Ив. Бунинъ



СТИХИ
И
РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 40 коп.

сп К51 6/41

БИБЛІОТЕКА „ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ“.

Кв. Л. Бунинъ.

Стихи и разсказы.

Съ рисунками.

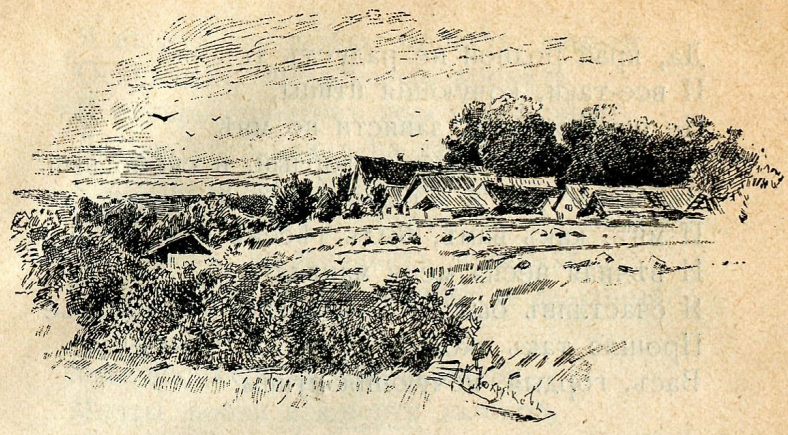
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ
„Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.
Москва, Б. Молчановка, д. Д. И. Тихомирова, № 24.

ЦѢНА 40 КОП.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1900.

Дозволено цензурой. Москва, 29-го Марта 1900 года

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 775
10 — I — 1932



Въ степи.

Вчера въ степи я слышалъ отдаленный
Крикъ журавлей. И дико, и легко
Онъ прозвенѣлъ надъ тихими полями
Веселою и гордою свободой...
Путь добрый! Имъ не жаль насъ покидать:
И новая цвѣтущая природа,
И новая весна ихъ ожидаетъ
За синими, за теплыми морями,
А къ намъ идетъ угрюмая зима:
Засохла степь, лѣсъ глохнетъ и желтѣетъ,
Осенній вѣтеръ, тучи нагоняя,
Открылъ въ кустахъ звѣриные лазы,
Листвой засыпалъ долы и овраги,
И по ночамъ въ ихъ черной темнотѣ,
Подъ шумъ деревьевъ, свѣчками мерцаютъ,
Таинственно блуждая, волчьи очи...

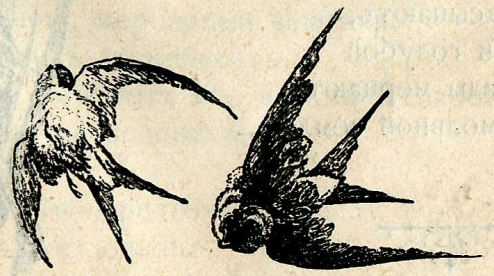
Да, край родной не радуетъ теперь!
И все-таки, кочующія птицы,
Не пробуждаетъ зависти во мнѣ
Вашъ звонкій крикъ, и гордый, и свободный.
Въ былые дни и я былъ вольной птицей,
И мнѣ, какъ вамъ, былъ тѣсенъ край родной,
И вѣчная весна меня манила...
Я счастливъ былъ. . Зачѣмъ-же это счастье
Прошло такъ скоро? Отчего мнѣ жаль
Васъ, гордыя, кочующія птицы?

Здѣсь грустно. Ждемъ мы сумрачной поры,
Когда въ степи сѣдой туманъ ночуетъ,
Когда во мглѣ разсвѣтъ едва бѣлѣетъ
И лишь бугры чернѣютъ сквозь туманъ.
Но я люблю, кочующія птицы,
Родныя степи. Бѣдныя селенья—
Моя отчизна; я вернулся къ ней,
Усталый отъ скитаній одинокихъ,
И понялъ красоту въ ея печали
И счастіе—въ печальной красотѣ...

Бываютъ дни: повѣетъ теплымъ вѣтромъ,
Проглянетъ солнце, ярко озаряя
И лѣсъ, и степь, и старую усадьбу,
Пригрѣетъ листья влажные въ лѣсу,
Глядишь,—и все опять повеселѣло!
Какъ хорошо, кочующія птицы,
Тогда у насъ! Какъ весело и грустно
Въ пустомъ лѣсу межъ черными вѣтвями,
Межъ золотыми листьями березъ
Синѣетъ наше ласковое небо!

Я въ эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинниковъ поблекшихъ ароматъ
И слушая дроздовъ веселыхъ крики;
Люблю уйти одинъ на дальній хуторъ,
Смотрѣть, какъ озимь мягко зеленѣетъ,
Какъ бархатомъ блестятъ на солнцѣ пашни,
А вдалекѣ, на жнивьяхъ золотыхъ,
Стоитъ туманъ, прозрачный и лазурный.

Моя весна тогда зоветъ меня,—
Мечты любви и юности далекой,
Когда я васъ, кочующія птицы,
Съ такою грустью къ югу провожалъ!
Мнѣ вспоминается былое счастье,
Былые дни... Но мнѣ не жаль былого:
Я не грущу, какъ прежде, о быломъ,—
Оно живетъ въ моемъ безмолвномъ сердцѣ,
А міръ вездѣ исполненъ красоты.
Мнѣ въ немъ теперь все дорого и близко:
И блескъ весны за синими морями,
И сѣверныя скудныя поля,
И даже то, что ужъ совсѣмъ не можетъ
Васъ утѣшать, кочующія птицы,—
Покорность грустной участи своей!





Ночь.

Ночь идетъ,—и темнѣетъ
Блѣдносиній востокъ...
Отъ одеждъ ея вѣетъ
По полямъ вѣтерокъ.

День былъ дологъ и зноенъ...
Ночь идетъ и поетъ
Колыбельную пѣсню
И къ покою зоветъ...

А поля засыпаютъ,
И въ выси голубой
Тихо звѣзды мерцаютъ
Надъ безмолвной землей...



Осенняя пѣсня.

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ поднимается,
Шумно по чащамъ идетъ,
Мертвые листья срываетъ и весело
Въ бѣшеной пляскѣ несетъ.

Только замретъ, припадетъ и послушаетъ,—
Снова взмахнетъ, а за нимъ
Лѣсъ загудитъ, затрепещетъ,—и сыплются
Листья дождемъ золотымъ.

Вѣетъ зимою, морозными вьюгами,
Тучи плывутъ въ небесахъ...
Пусть-же погибнетъ все мертвое, слабое
И возвратится во прахъ!

Зимнія вьюги—предтечи весенніе,
Зимнія вьюги должны
Похоронить подъ снѣгами холодными
Мертвыхъ къ приходу весны.

Въ темную осень земля укрывается
Желтой листвой, а подъ ней
Дремлетъ побѣговъ и травъ прозябаніе,
Сокъ животворныхъ корней.

Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ...
Радость и гибель ея
Служатъ нетлѣнному и неизмѣнному—
Вѣчной красѣ Бытія!





Метель.

***

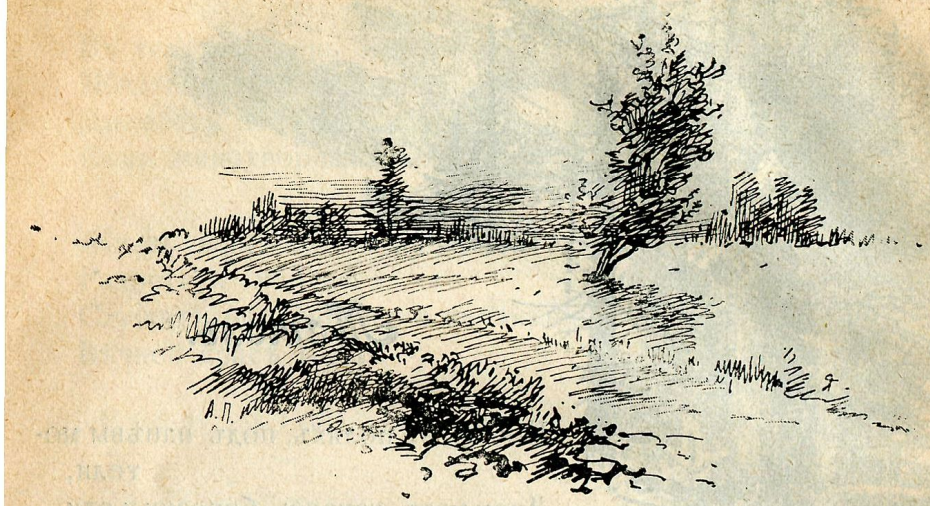
Ночью въ поляхъ, подъ напѣвы метели,
Дремлютъ, качаясь, березки и ели...
Мѣсяцъ межъ тучекъ надъ полемъ сіяетъ,—
Блѣдная тѣнь набѣгаетъ и таетъ...
Мнится мнѣ ночью,—межъ бѣлыхъ березъ
Бродитъ въ туманномъ сіяньи Морозъ.

***

Ночью въ избѣ, подъ напѣвы метели,
Тихо разносится скрипъ колыбели...
Мѣсяца свѣтъ въ темнотѣ серебрится,—
Въ мерзлыя стекла по лавкамъ струится..
Мнится мнѣ ночью,—межъ сучьевъ березъ
Смотритъ въ безмолвныя избы Морозъ.

***

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя заметаетъ ночная,
Спятъ твои села подъ пѣсни метели,
Дремлютъ въ снѣгу одинокія ели...
Мнится мнѣ ночью,—не степи кругомъ,—
Бродитъ Морозъ на погостѣ глухомъ...



Кукушка.

I.

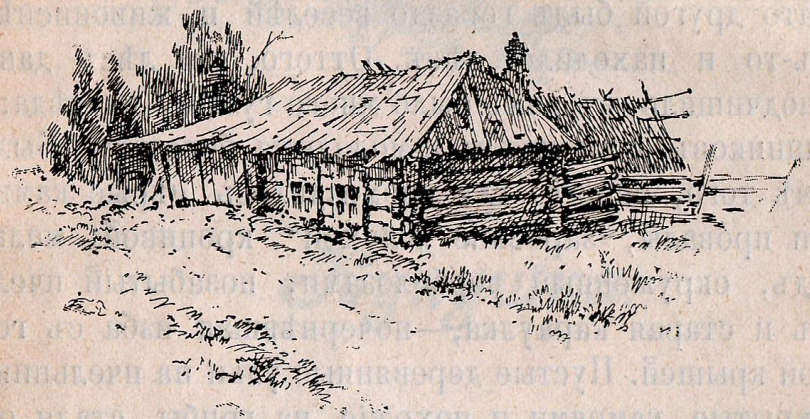
Лѣсъ былъ небольшой, но красивый, особенно ежели принять во вниманіе, что вокругъ него была бѣдная мѣстность: поля да косогоры, кое-гдѣ поселки у враговъ, дубовые кусты въ лощинахъ, хутора мелкихъ помѣщиковъ и одинокая мельница-вѣтрянка на западномъ горизонтѣ, на далекомъ возвышеніи. Правда, поля были волнистыя и смѣнялись лугами („верхами“, по-орловски), но это были совсѣмъ голые и глухіе луга.

Большой Кастюринскій „верхъ“ развѣтвлялся къ сѣверу на два рукава. Одинъ изъ нихъ былъ покрытъ по отлогимъ бокамъ кустарникомъ и далеко тянулся однообразнымъ логомъ. Скучно въ немъ было, особенно осенью! Ѣдешь, бывало, въ синеватый, пасмурный денекъ на охоту среди этого пустыннаго лога и видишь передъ собою только низкое небо да пожелтѣвшій кустарникъ. Ни птицы, ни звѣря,—одинъ вѣтеръ шелеститъ дубовой листвою...

Зато другой былъ гораздо веселѣй и живописнѣй. Тутъ-то и находился лѣсъ. Оттого, что лѣсъ давно не подчищали, въ немъ было много густого подсѣда:—орѣшниковъ, осинниковъ и молодыхъ березокъ. Были, кромѣ того, овраги, гдѣ громоздились сѣрые камни; были провалы, заросшіе „глухой“ кропивой; мелкій прудъ, окруженный верболозами, позабытый пчельникъ и старая караулка,—почернѣвшая изба съ горбатой крышей. Пустые деревянные ульи на пчельникѣ, прикрытые камнями и похожіе на грибы, стали отъ времени голубовато-сѣраго цвѣта, а въ караулкѣ покосились окна, двери и даже самыя стѣны... Прошлой зимой въ ней поселился старикъ-солдатъ Кукушка, а въ одномъ изъ враговъ, за пчельникомъ, вывела двухъ дѣтенышей волчица.

Наступалъ вечеръ теплаго и сѣренькаго февральскаго дня, когда работникъ съ Кастюринскаго хутора привезъ Кукушку въ караулку. Лѣсъ утопалъ въ молодомъ, рыхломъ снѣгу. Передъ вечеромъ опять на-

чинало порошить, и деревья, наполнявшія лощины овраги, были слегка затуманены, а въ отдаленьи, въ концѣ луговъ, сливались въ неясныя чащи мутно-сизаго цвѣта. Лошадь тяжело брела по сугробамъ. Кукушка дремалъ, хотя ему было холодно въ истрепанной шапкѣ, обвязанной по ушамъ тряпкой, и въ заплатанной шинели. Старчески-серьезное и сонное лицо его посинѣло. Озябшими руками онъ держалъ пѣтуха и кошку, а за розвальнями бѣжали еще два



сожителя Кукушки: барскій „Цыганъ“, черный съ бѣлымъ жилетомъ, и Кукушкинъ „Мурзикъ“, небольшой, звонкоголосый кобелекъ, веселый и безпечный, одѣтый въ очень пушистый, рыжеватый мѣхъ.

Подъѣхавъ къ караулкѣ, работникъ помогъ Кукушкѣ снести въ нее кое-что изъ провизіи и хозяйственныхъ принадлежностей, закурилъ цыгарку, надѣлъ рукавицы и, ставши въ розвальняхъ на колѣни, равнодушно повернулъ лошадь въ обратный путь.

— Смотри, какъ бы у тебя Цыганъ-то не ушелъ!— крикнулъ онъ на прощанье.

И Кукушка остался одинъ...

Когда на дворѣ стало смеркаться, въ холодной караулкѣ было уже совсѣмъ темно. Мрачно глядѣла пустая изба, — старая, низкая, съ маленькими окошечками и огромной печью. Но на Кукушку это не произвело никакого впечатлѣнія. Тому, кто ходилъ подъ дождемъ, вѣтромъ и снѣгомъ побираться, всякая изба покажется уютной и веселой, а Кукушка уже давно проводилъ—гдѣ день, гдѣ ночь подъ чужими кровлями. Теперь же онъ былъ надолго защищенъ отъ холода и голода. Жалованья ему назначили 17 р. въ годъ, а „мѣщину“—и совсѣмъ хорошую. Кромѣ того, ему дали валенки, старую баринову тужурку и полинявшій дворянскій картузъ. Кукушка былъ очень доволенъ, очень успокоенъ своимъ положеніемъ, и теперь ему оставалось только затопить печку и получше устроиться въ караулкѣ. Но развѣ долго было это сдѣлать?..

Дубки тихо гудѣли въ бѣлесой темнотѣ зимней ночи; пахло февральской свѣжестью, и когда Кукушка вышелъ въ одной рубахѣ изъ сѣнецъ за уголъ, навстрѣчу ему понесло холодомъ и мокрыми снѣжинками. Но зато съ какимъ удовольствіемъ вбѣжалъ онъ въ избу, которая стала просто неузнаваема за какой-нибудь часъ! Она уже совсѣмъ успѣла нагрѣться и слабо, но весело была озарена яркой

пастью печки. Длинные огненные языки вырывались изъ нея и лизали устье, а черныя стѣны избы, прежде топившейся по-курному, трепетно блестѣли, какъ растопленная смола. Кошка примостилась на концѣ лавки, съежилась и жмурилась, мурлыкая и задремывая. Пѣтухъ, разбуженный огнемъ, но совсѣмъ еще сонный, машинально бродилъ по соломѣ, накиданной на полу, въ тепломъ кругу свѣта возлѣ печки... Пріятно пахло дымомъ сырыхъ березовыхъ дровъ и соломы.

— Ахъ, жидъ те съѣшь! — крякнулъ Кукушка со старческой веселостью и передернулъ плечами.

Пока варились картошки, онъ нарубилъ дровъ на завтра, настелилъ на печку соломы, потомъ во всю краюшку отрѣзалъ ломоть хлѣба и сѣлъ ужинать. Ѣлъ онъ пристально, съ жадной неторопливостью нищаго, но когда картошка попадалась ужъ очень горячая, онъ прожевывалъ ее поспѣшно, открывая ротъ и ухитряясь во рту дуть на нее. Пріятная мысль о томъ, какъ онъ неожиданно и хорошо устроился, не покидала его... А когда ужинъ былъ конченъ, онъ понесъ собакамъ въ сѣнцы корки, опять озябъ, жестоко ударилъ погой Цыгана, бросившагося на Мурзика, и, возвратившись въ избу, долго молился въ благодарность за нынѣшній день, съ особенно грустнымъ и покорнымъ видомъ, на большую икону, стоявшую въ переднемъ углу на лавкѣ. Изображеніе на почернѣвшей доскѣ иконы было старинное, и Кукушкѣ было жутко глядѣть на него. Онъ искренно просилъ Бога даровать ему скорую и тихую кончину.

— Брысь, домовая! — сердито крикнулъ онъ среди молитвы на кошку, вспрыгнувшую на столъ. Потомъ, кряхтя и охая, взлѣзъ на печку и, укрывшись шинелью, тотчасъ погрузился въ дремоту.

И все стало сонно и тихо вокругъ.

Чтобы не угорѣть, онъ не закрылъ трубы и не задвинулъ печку заслонкой. Дрова и солома между тѣмъ прогорѣли, и свѣтъ отъ угольевъ медленно умиралъ въ тихой, темнѣющей избѣ. Темнота сумрачно сгущалась, отовсюду подвигаясь къ печкѣ.

Скоро въ ней остался уже только одинъ раскаленный уголь. Тишина, казалось, замерла въ ожиданіи чего-то... Тогда темнота подошла къ самому устью, и уголь, какъ закрывающійся глазъ, долго глядѣлъ на нее, озаряя лишь своды... Наконецъ, и этотъ слабый свѣтъ померкъ. Въ печкѣ краснѣла чуть замѣтная точка, и во всей избѣ стало темно и холодно. Вѣтеръ шуршалъ соломой по крышѣ и заносилъ снѣгомъ окна. Окна тускло сѣрѣли во мракѣ... И вотъ кто-то подошелъ и заглянулъ въ нихъ. Чья-то высокая тѣнь мелькнула мимо оконъ, возвратилась, прильнула къ стекламъ и опять скрылась...

— Господи Исусе Христе! — пробормоталъ Кукушка съ удивленіемъ и страхомъ. Онъ заснулъ крѣпко, но старое тѣло, разогрѣвшись на горячей соломѣ, скоро заныло — томительно и пріятно, — и Кукушка полу-

открылъ глаза. Кто-то высокій заглянулъ въ окно, и Кукушка вдругъ замѣтилъ это. Онъ хотѣлъ приподняться — и не могъ, и не понималъ, гдѣ онъ; чувствовалъ только все больше, что гдѣ-то въ глухомъ и страшномъ мѣстѣ... А тѣнь вдругъ опять появилась и медленно скрылась...

— Кто тамъ? — хотѣлъ крикнуть онъ, собравъ послѣднія силы, но вдругъ махнулъ рукой и сразу очнулся... Да, вѣдь, это онъ въ караулкѣ лежитъ! А тѣнь — просто притуга, оборвавшаяся на крышѣ!

Онъ закашлялся и закряхтѣлъ съ недовольной улыбкой, но нарочно, какъ можно громче, вздохнулъ совсѣмъ облегченно и опять закутался шинелью. Пріятная усталость обняла его и тихо закрыла вѣки. Хорошо на теплой печкѣ старому тѣлу! А тутъ еще пѣтухъ огласилъ избу громкимъ крикомъ, смѣло и спокойно забилъ крыльями, и что-то роднос, дружеское было въ этомъ крикѣ, нарушившемъ тишину зимней полночи.

Вѣтеръ по-прежнему шарилъ по крышѣ, и притуга по-прежнему, заглядывая въ окна, качалась по вѣтру. Собаки, стараясь улечься поуютнѣе, возились въ сѣнцахъ. Но Кукушка уже ничего не слыхалъ и не видалъ; чувствовалъ только пріятную тяжесть и тепло кошки, свернувшейся на его ногахъ, и засыпалъ глубокимъ сномъ.

А въ лѣсу въ это время важно и ровно усиливался

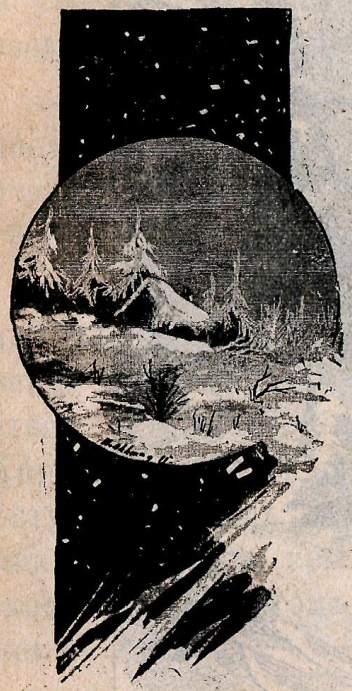
гулъ метели по вершинамъ, побѣлѣвшимъ отъ снѣга, и волчица, сверкая огоньками своихъ зеленоватыхъ глазъ, таинственно пробиралась по лугу мимо кара-



улки. Она утопала въ холодныхъ, пушистыхъ сугробахъ, но шла все глубже въ чащу лѣса, намѣреваясь надолго поселиться по сосѣдству съ Кукушкой — въ одномъ изъ глухихъ и потайныхъ овраговъ.

II.

— Что жъ, не заскучалъ еще? — спрашивалъ баринъ, когда Кукушка пришелъ къ нему однажды попросить деньжонокъ. Кукушка не былъ глухъ, но баринъ говорилъ громко, тѣмъ тономъ, которымъ говорятъ съ глухими и съ дурачками.



— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! — прошамкалъ Кукушка. —Мнѣ и вѣку-то осталось чуть-чуть, когда мнѣ скучать таперь?

Баринъ нахмурился.

— То-то „таперь“! — передразнилъ онъ, отвертываясь.— Старъ ты, у тебя изъ-подъ носу тащатъ... Семенъ говоритъ, опять въ вершинкѣ три дубка срѣзали. Всю осень тамъ совсѣмъ почти мальчишка сидѣлъ,—не трогали, а тутъ старикъ,— и то чортъ знаетъ что!

Кукушка смутился, испугался и обидѣлся. Онъ стоялъ на порогѣ зала и лакейской и производилъ странное впечатлѣніе своимъ нищенскимъ видомъ въ барскомъ домѣ. При словахъ барина онъ подтянулся и забормоталъ съ раздраженіемъ:

— Какіе жъ такіе мои года, ваше благородіе? Дубки,—правда, что срѣзаны, только это никакъ не при мнѣ... Это все приказчикъ мутитъ... Мнѣ давно одинъ человѣкъ сказывалъ...

— Такъ то-то я и говорю, посматривай, — перебилъ баринъ уже спокойно, но очень громко.

Тонъ его поразилъ Кукушку, и онъ опять смутился: не наговорилъ ли чего лишняго? Онъ улыбнулся неловкой улыбкой и поспѣшно прибавилъ:

— Извѣстно, изо всей мочи надо смотрѣть... А скуки мнѣ никакой нѣтути, ваше благородіе! Въ лѣсу еще теплѣй зимою...

— Конечно, теплѣй, — согласился баринъ.—Денегъ я тебѣ сейчасъ вынесу.

Онъ ушелъ въ кабинетъ, и Кукушка облегченно переступилъ съ ноги на ногу. Богъ дастъ, обойдется!

Въ это время изъ кабинета нерѣшительно вышли Митя и Коля. Коля, небольшой, круглоголовый мальчикъ, заискивающе улыбался. Характеръ у него былъ добрый и веселый, но робкій. Митя, напротивъ, всегда старался быть рѣшительнымъ. Онъ былъ съ рѣзкими чертами лица, худѣе и выше Коли. Теперь онъ усиленно хмурился, но видно было, что смущены оба, потому что оба подходили, застѣнчиво перегибаясь назадъ.

Кукушка улыбнулся и наклонился къ нимъ. Отъ этого Коля растерялся, а Митя покраснѣлъ и вдругъ

проговорилъ, сурово отчеканивая, по своему обыкновенію, каждый слогъ:

— Вы опять въ лѣсъ поѣдете?

— Въ лѣсъ, барчукъ, въ лѣсъ,—отвѣчалъ Кукушка ласково.

— А на охоту ходить вы умѣете?

— Какъ же мнѣ не умѣть, барчукъ, — сколько годовъ въ солдатахъ былъ!

Митя повертѣлъ мохры пояса и взглянулъ на Кукушку уже съ нескрываемымъ любопытствомъ. Помимо разговоровъ объ охотѣ, его очень занимали грубая, нищенская одежда Кукушки и то, что отъ Кукушки пахло курной избой и нюхательнымъ табакомъ.

— А собаки у васъ есть? — продолжалъ онъ, опять нахмуриваясь. — Только одинъ нашъ Цыганъ?

— Съ одной собакой въ лѣсу нельзя, барчукъ...

— Отчего нельзя?

— Не управится одна... У меня еще Мурзикъ есть. Шустрый кобелекъ!

— Мурзикъ?—воскликнулъ Коля, и его маленькіе, каріе глазки засверкали удивленіемъ и радостью.—А какой? Ты приведешь его къ намъ?

— А кто кого побѣдитъ? — перебилъ его Митя уже совсѣмъ оживленно, — Мурзикъ или Цыганъ? Вы можете стравить ихъ?

— Цыганъ одинъ на одинъ на гуся на бой выходилъ! — съ смѣхомъ сказалъ Коля. — Гусь въ сѣнцахъ

на яйцахъ сидѣлъ, а онъ пришелъ, а онъ ка-акъ на него бросится!..

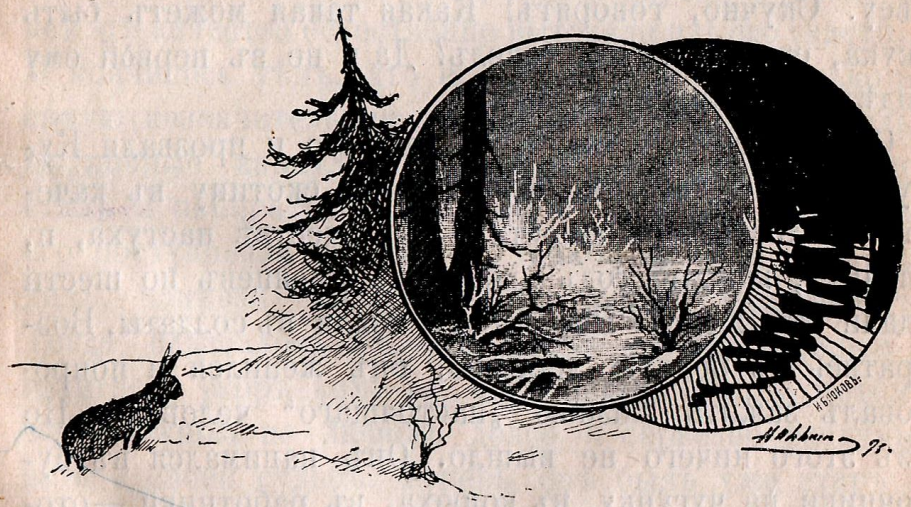
Дѣти заговорили наперебой, торопясь и засыпая Кукушку вопросами. Кукушка тоже увлекся. Онъ сталъ разсказывать имъ о Мурзикѣ, объ охотѣ, и вдругъ, осѣненный счастливой мыслью, прибавилъ:

— А вотъ что, барчуки, когда такое дѣло, — какъ только, Богъ дастъ, лѣто придетъ, волченятъ вамъ принесу!

Дѣти запрыгали отъ радости.

— А зайца? — кричали они. — Лучше зайца, ястреба и волченятъ!

— Зайца, барчуки, не поймаешь, а вотъ волченятъ можно.



— А когда? Завтра?

— Да ихъ еще нѣтути, небось...

— Отчего? Не вывелись?

— Не вывелись, не ощенились... Я только волчицу надысь видѣлъ.

— А послѣ?

— Послѣ безпремѣнно принесу, въ мѣшкѣ притащу,—повторялъ Кукушка, дѣйствительно, рѣшившись принести дѣтямъ волченятъ и тѣмъ угодить барину.

А когда и самъ баринъ добродушно одобрилъ эту мысль, Кукушка совсѣмъ успокоился: порубка дубковъ прошла, значитъ, благополучно... Онъ не зналъ, что баринъ говорилъ послѣ его ухода:

— Въ дѣтство впалъ старикъ. Только до лѣта и держу... У меня не богадѣльня.

А старикъ бодро ковылялъ по снѣжнымъ полямъ къ лѣсу. Скучно, говорятъ! Какая такая можетъ быть скука, ежели сытъ и тепелъ? Да и не въ первой ему сидѣть въ караульщикахъ!

Онъ былъ пріемышъ, за что его и прозвали Кукушкой. Въ дѣтствѣ онъ стерегъ скотину въ качествѣ подпаска, въ юности — въ качествѣ пастуха, и, значитъ, каждый годъ проводилъ мѣсяцевъ по шести вдали отъ людей. Потомъ его взяли въ солдаты. Возвратясь въ родную деревню, онъ женился и попробовалъ зажить жизнью „настоящаго“ человѣка. Но изъ этого ничего не вышло. Онъ нанимался въ будочники на чугунку, въ конюха, въ работники,—отовсюду его скоро увольняли. А жена его бросила чуть не черезъ полгода послѣ свадьбы.

— Шатается, какъ волкъ,—говорили про него мужики.—Непутевый малый!

И вотъ въ томъ, что почти всѣ отзывались о Кукушкѣ такимъ образомъ, и заключалась одна изъ главныхъ причинъ его непригодности къ службѣ и работѣ. Въ кличкахъ, которыми награждали Кукушку („шалава“, „неудѣльный“, „лодырь“, „съ дурью“) была большая доля правды. Онъ, дѣйствительно, не отличался умомъ; но отъ кого ему было научиться разуму? Онъ былъ не „серьезный“, не „хозяйственный“ человѣкъ, но, вѣдь, онъ съ дѣтства слышалъ эти клички, съ дѣтства привыкъ смотрѣть на себя, какъ на „неудѣльнаго“, обездоленнаго человѣка и невольно сталъ такимъ. Онъ былъ, наконецъ, лѣнивъ, раздражителенъ, любилъ выпить, жить спустя рукава; но всѣ эти качества естественно вытекали изъ его участи... И кончилось тѣмъ, что его стали нанимать только на самую незначительную службу—на огороды, въ сады, въ ночные караульщики. Время отъ времени онъ сталъ и побираться. Въ лѣтнія ночи, когда колотушка его постукивала въ тишинѣ темной деревни, онъ бродилъ, напѣвая сиплымъ, задушевнымъ фальцетомъ. Тогда слышалось въ его пѣснѣ что-то хорошее и грустное, укоръ кому-то, но неясный укоръ, потому что Кукушка не любилъ долго и серьезно раздумывать о своей судьбѣ. Теперь онъ былъ уже старъ и дряхлъ, но ему еще очень хотѣлось пожить поспокойнѣй и получше. А въ караулкѣ ему было пока очень хорошо. Да и весна прошла дружно, весело.

Все время держалась настоящая весенняя погода. По ночамъ подмораживало, и звѣзды усѣивали темное небо. Но онѣ уже не были такъ крупны, какъ зимою, и блестѣли чище и нѣжнѣе. Въ ночномъ воздухѣ чувствовалась легкая весенняя свѣжесть. А дни стояли солнечные, и лѣсъ весь день рисовался на голубомъ, безоблачномъ небѣ. Съ утра вѣтерокъ по-зимнему рѣзко развѣвалъ дымъ надъ трубой караулки. Заря ярко краснѣла изъ-за чернаго лѣса. Но по мѣрѣ того, какъ поднималось солнце, день теплѣлъ и веселѣлъ. Въ затишьи сильно пригрѣвало, и южная сторона избы и завалинка около нея оттаяли и потемнѣли. А потомъ около грязнаго порога образовалась лужа, корни деревьевъ окружились проталинами, прилетѣли жаворонки, снѣгъ въ поляхъ разрыхлѣлъ и началъ быстро таять. Солнце наполняло караулку яркимъ блескомъ.

Въ такіе дни Кукушка съ особеннымъ удовольствіемъ сидѣлъ на лавкѣ у окошка. Обойдя на зарѣ лѣсъ, онъ тотчасъ принимался за топку, и къ полудню обѣдъ былъ готовъ. Тогда онъ ставилъ чашку со щами на подоконникъ и ѣлъ, пригрѣваемый солнцемъ. За стеклами, которые дымились свѣтлымъ паромъ, сидѣлъ на завалинкѣ Мурзикъ и умильно глядѣлъ на ѣду. Кошка лѣзла къ самой чашкѣ, и Кукушка иногда больно, но ласково билъ ее мокрой ложкой въ лобъ. А въ избѣ было тепло, свѣтло, и вкусно пахло щами.

Послѣ обѣда онъ спалъ или опять садился къ окну, чинилъ одежду, подшивалъ свиной кожей валенки или промывалъ ружье. Иногда, когда на душѣ у него было особенно покойно, онъ много-много разъ на разные лады повторялъ начало своей любимой пѣсни:

Смолкни, пташка-канарейка!..

Но увы! эта мирная жизнь должна была скоро кончиться...

III.

Однажды вечеромъ, въ началѣ апрѣля, когда въ лѣсу весь снѣгъ уже насытился водою, Кукушка возвращался домой изъ обхода. Что-то заставило его поднять голову, и взглядъ его упалъ на противоположную сторону луга, по скату котораго онъ шелъ. Огромная волчица стояла тамъ и, насторожившись, неловко согнувъ свою лобастую голову съ чутко торчащими ушами, исподлобья и пристально смотрѣла на него. Въ полусвѣтѣ сумерокъ она показалась ему большой, желто-сѣрой собакой. Но когда волчица повернулась, подскакнула и съ опущеннымъ хвостомъ неуклюжимъ скокомъ пошла вонъ изъ лѣсу, Кукушка растерялся, закричалъ, хотѣлъ даже выстрѣлить... Однако, скоро спохватился и опустилъ ружье.

— Ахъ, жидъ те съѣшь!—сказалъ онъ съ досадой, вспомнивъ, что обѣщался принести дѣтямъ волченятъ. Не стоило опугивать! Надо выслѣдить, гдѣ ощенилась.

Полая вода надолго помѣшала ему. Въ тотъ же вечеръ мутно-синеватая туча съ запада закрыла все небо, и ночь наступила темная-претемная. А проснувшись передъ разсвѣтомъ, Кукушка услыхалъ, что шумитъ проливной дождь: значитъ, началась настоящая весна... По лугамъ долго бушевали потоки, и Кукушка не рѣшался забираться въ глухія мѣста по топкому снѣгу. Только уже послѣ Святой онъ каждую ночь сталъ выходить передъ разсвѣтомъ къ сѣверной опушкѣ лѣса и такъ увлекался, что иногда по цѣлымъ часамъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, прислушиваясь, не раздастся ли гдѣ-нибудь визгъ или подвываніе, которымъ обыкновенно обмѣниваются волченята съ матерью. Онъ не былъ еще увѣренъ, точно ли волчица поселилась въ его лѣсу.

Волченята между тѣмъ росли. Они прозрѣли и часто выползали теперь изъ норы. Они весело ползали и визжали, какъ щенята; а волчица сидѣла и ласково лизала ихъ. Она холила, растила ихъ и каждую ночь приносила къ разсвѣту какую-нибудь добычу,— чаще всего—дохлыхъ птицъ. Но волченята привѣтствовали ее такимъ слабымъ визгомъ, что Кукушкѣ онъ совсѣмъ не былъ слышенъ.

Тогда Кукушка рѣшился дѣйствовать болѣе энергично. Разъ утромъ, позавтракавши, онъ заперъ сторожку на замокъ и отправился въ село. Тамъ онъ до поздняго вечера проходилъ по знакомымъ мужикамъ, побывалъ у лавочника, у овчинника и вездѣ

просилъ „бѣлаго камня“, т.-е. мышьяку, таинственно разсказывая всѣмъ, что хочетъ уморить волчиху. Но „бѣлаго камня“ ни у кого не оказалось. Овчинникъ посовѣтовалъ ему, однако, отправиться въ Веригино и обратиться къ мельнику, извѣстному крысомору. Не долго думая, Кукушка послѣдовалъ совѣту. Что бы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, онъ рѣшился переночевать въ селѣ и завтра же побывать въ Веригинѣ. Возвращаться въ караулку было не по дорогѣ. Но и тамъ его ожидала неудача: крысомора не оказалось дома.

И вотъ только позднимъ вечеромъ на другой день онъ явился въ лѣсъ, зарядилъ ружье картечью, поужиналъ однимъ хлѣбомъ и легъ спать, твердо рѣшившись отправиться въ овраги на-удачу и взять у волчицы дѣтенышей съ бою.

Спалъ онъ крѣпко, но передъ разсвѣтомъ внезапно очнулся.—„Пора“!—рѣшилъ онъ и тотчасъ же слѣзъ съ печи, взялъ ружье, захватилъ кусокъ хлѣба и, кликнувъ Мурзика, зашагалъ къ оврагамъ. Совсѣмъ еще была ночь, только по какой-то особенно чуткой тишинѣ чувствовалось, что разсвѣтъ близко. Не совсѣмъ просохло, и земля передъ разсвѣтомъ подмерзла. Легкая прохлада была напоена запахомъ догнивающихъ прошлогднихъ листьевъ и первой зелени, которой, словно кружевомъ, былъ одѣтъ чернѣющій въ прозрачномъ полумракѣ лѣсъ. Робко и осторожно мерцала на поблѣднѣвшемъ востокѣ серебряная утренняя звѣзда.

Вдругъ откуда-то раздалось слабое подвизгиванье. Кукушка насторожился и замеръ на мѣстѣ. Мурзикъ тоже остановился, однако, не залаялъ. Визгъ повторился и даже съ притявкиваньемъ.—„Они“!—подумалъ Кукушка и, сопя, взвелъ курокъ. Если волчиха дома,—надо положить ее съ одного выстрѣла, а не то плохо будетъ... И съ бьющимся сердцемъ онъ медленно



сталъ пробираться по орѣшнику къ оврагамъ... Вотъ уже можно различить камни, кустарникъ и самый глубокій логъ оврага...

— Мурзикъ!—вполголоса крикнулъ Кукушка. И тотчасъ же, какъ бы въ отвѣтъ ему, Мурзикъ залился звонкимъ лаемъ, бросился впередъ, отскочилъ

назадъ и завылъ, захлебываясь отъ волненія. Тогда Кукушка, уже не помня себя, побѣжалъ къ оврагу. Каждую секунду онъ ожидалъ, что изъ-за камней выскочитъ волчица и держалъ на-готовѣ ружье. Вдругъ что-то съ визгомъ шарахнулось изъ-подъ его ногъ. Онъ остановился и увидѣлъ двухъ маленькихъ, головастыхъ волченятъ, которые въ страхѣ прижались къ камнямъ и, ощетинившись, дико смотрѣли на него.

— Мурзикъ, куси!—закричалъ Кукушка, оглянулся,—нѣтъ-ли волчицы,—и не успѣли волченята опомниться, какъ уже оба были въ мѣшкѣ. Они отчаянно визжали и барахтались въ немъ, но Кукушка, не обращая на это вниманія, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и почти бѣгомъ пустился къ дому.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ вся дворня на Кастюринскомъ хуторѣ толпилась въ концѣ сада около картофельной ямы: торжественно заключали туда волченятъ, и Кукушка былъ героемъ этого событія.

— Лѣстницу-то, лѣстницу-то подставляй,—кричалъ онъ тономъ командира, и когда лѣстница была спущена въ яму, самъ поспѣшно слѣзъ по ней и развязалъ мѣшокъ. Волченята выскочили изъ него, фыркнули и въ дикомъ ужасѣ прижались къ стѣнѣ.

— Барчуки, гляньте-ка суда-то!—кричалъ Кукушка глухимъ голосомъ изъ ямы; а дѣти уже давно, раскраснѣвшись, чего-то боясь и волнуясь, не спускали блестящихъ глазъ съ волченятъ.

— Митя, они голодные!—заикаясь, говорилъ Ко-

ля. — Пойдемъ скорѣй, принесемъ имъ пирожковъ и говядины.

А Кукушка, вылѣзши изъ ямы, въ сотый разъ разсказывалъ, какъ онъ изловилъ звѣрковъ. Самъ баринъ былъ заинтересованъ его разсказомъ, и Кукушка земли не чаялъ подъ собою отъ радости. Когда-же ему поднесли водки и накормили, онъ отправился въ лѣсъ съ какой-то непонятной храбростью и всю дорогу пѣлъ свою пѣсню про „канарейку“.

Но то, что ожидало его въ лѣсу, положительно ошеломило его. Подходя къ караулкѣ, онъ еще издали увидѣлъ приказчика, рыжаго, толстаго мужика въ пиджакѣ и длинныхъ сапогахъ, ѣхавшаго изъ луга къ нему навстрѣчу. Кукушка остановился около избы и уже приготовился и ему разсказать исторію про волченятъ.

Но приказчикъ, подъѣхавъ къ караулкѣ, медленно и не глядя на него, слѣзъ съ дрожекъ, замоталъ за передокъ вожжи и тогда уже только направился къ избѣ. Онъ подошелъ къ самому лицу Кукушки и вдругъ усмѣхнулся.

— Ну, что?—сказалъ онъ тихо,—поймалъ волченятъ?

— Поймалъ,—отвѣтилъ Кукушка дрогнувшимъ голосомъ.

— А шесть березокъ ты поймаешь, какія улетѣли пока ты питушествовалъ?

— Какія березки?—пролепеталъ Кукушка.

— Какія?—переспросилъ приказчикъ, блѣднѣя отъ

злобы, и вдругъ со всего размаху сшибъ съ Кукушки шапку.

Кукушка закричалъ дикимъ голосомъ и побѣжалъ подъ гору.

Но приказчикъ не погнался за нимъ. Сопя и задыхаясь, онъ размоталъ вожжи, сѣлъ на дрожки и, ударивъ по лошади, шибко покатилъ по дорогѣ вонъ изъ лѣсу.

— Я съ тобой управлюсь еще!—крикнулъ онъ на прощанье.

IV.

Недѣли двѣ Кукушка пролежалъ въ караулкѣ, прикидываясь совсѣмъ больнымъ. Сначала онъ хотѣлъ



подавать жалобу къ мировому, потомъ—идти жаловаться барину... Но баринъ самъ пріѣхалъ въ лѣсъ. Тутъ-то и прикинулся Кукушка совсѣмъ умирающимъ. Онъ плакалъ и говорилъ, что приказчикъ „убилъ“ его. А приказчикъ съ холоднымъ спокойствіемъ совѣтовалъ ему побояться Бога, не „брехать“ на старости лѣтъ, потому что онъ, приказчикъ, вовсе не билъ, а только замахнулся на него.

— Васъ не переслушаешь!—сказалъ баринъ, махнувъ рукой, и прибавилъ, что караулить лѣсъ онъ пришлетъ пока работника, а Кукушка можетъ, если хочетъ, „такъ“ жить въ караулкѣ.

Кукушка остался и по цѣлымъ днямъ лежалъ на печкѣ. На него нашло равнодушіе ко всему; онъ только кряхтѣлъ, лѣниво вставалъ, чтобы поѣсть, а потомъ опять ложился и засыпалъ. Наконецъ, онъ жестоко переругался однажды съ работникомъ изъ-за Мурзика, котораго работникъ ударилъ и, трясущимися руками завязавъ въ мѣшокъ свои пожитки, хлопнулъ дверью и пошелъ вонъ изъ лѣсу.

Былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ такъ сильно боленъ, какъ говорилъ, — неизвѣстно; несомнѣнно, что онъ преувеличивалъ свою хворь, но несомнѣнно и то, что онъ сильно постарѣлъ, пожелтѣлъ и похудѣлъ за эти двѣ недѣли. И когда онъ ковылялъ по дорогѣ къ селу, гдѣ вскорѣ должна была быть ярмарка, и, значитъ, хорошая работа нищимъ, — онъ имѣлъ видъ настоящаго дряхлаго старика-калѣки...

Какъ-то въ концѣ іюня онъ навѣстилъ Кастюринскій хуторъ. На дворѣ его окружили съ громкимъ лаемъ гончія, и онъ долго стоялъ, опустивъ мѣшокъ, не рѣшаясь двинуться впередъ и пошвыривая собакамъ кусочки хлѣба. Собаки на-лету подхватывали ихъ и опять продолжали лаять настойчиво и упорно, не пропуская его къ дому.

Наконецъ, изъ „людской“ вышла кухарка.

— Проводи отъ собакъ-то!—закричалъ ей Кукушка.

— Да тебѣ кого надо-то?

— Барчуковъ. Въ домѣ они, что ль?

— Удержишь ихъ въ горницѣ, — отвѣтила кухарка.—Сейчасъ опять съ моимъ Ѳедькой побѣгли на прудъ. Какіе-то плоты строятъ.

— Такъ проводи, милая.

— Мнѣ некогда. Они и такъ не укусятъ.

Кукушка нерѣшительно направился къ пруду. Собаки до самой плотины проводили его лаемъ, наконецъ, отстали.

— Коль, а Коль!—услыхалъ Кукушка голосъ Мити, плывшаго „на спинкѣ“ по пруду.—Стать тутъ-то?

— Стань!—отозвался Коля съ берега.—Только тины достань со дна, а то ты нарочно...

Митя вскинулъ руками и пропалъ въ водѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вынырнулъ и опять закричалъ.

— Дна не досталъ! Тутъ страсть глубоко...

Появленіе Кукушки заставило Митю бросить нырянье.

— Кукушка, здравствуйте!—кричалъ онъ, поспѣшно направляясь къ берегу. А Коля уже бѣжалъ къ Кукушкѣ и сообщалъ ему:

— Волченокъ-то издохъ. Другой только остался!

— Что жъ такъ, барчукъ миленькій? Ай плохо кормили?

Митя, съ посинѣвшимъ лицомъ, со взъерошенными

волосами, съ грязью на подбородкѣ, поспѣшно одѣвался и говорилъ, стуча зубами:

— Онъ былъ больной. Хотите, мы сейчасъ пойдемъ къ нимъ?

— Пойдемте, барчуки, пойдемте.

Всѣ трое отправились въ садъ, и по дорогѣ Митя опять началъ засыпать Кукушку вопросами:

— Кукушка, а Кукушка! А гдѣ жъ вашъ Мурзикъ-то?

— Потерялъ, барчукъ, на ярманкѣ потерялъ. Отсталъ гдѣ-то и пропалъ...

— А ты на ярманкѣ жилъ?—спросилъ Коля.

Митя сердито перебилъ его:

— Ты вѣчно, какъ баба, съ своими глупостями! На ярмаркѣ нельзя жить.

И, обратившись къ Кукушкѣ, спросилъ:

— Вы ужъ не будете больше у насъ въ лѣсу жить?

— Нѣтъ, барчукъ—отвѣтилъ Кукушка,—куда мнѣ таперь наниматься.

— Отчего?

— Слабъ я дюже, старъ сталъ.

— А гдѣ вашъ домъ? Въ селѣ?

Кукушка грустно улыбнулся и посмотрѣлъ на Митю совсѣмъ тусклыми глазами.

— Домъ?—сказалъ онъ.—Какой же у меня домъ барчукъ? У меня нѣтути дома да и не было съ роду никогда.

— Отчего?—изумленно воскликнулъ Коля.

— Не знаю, милый барчукъ,—видно, не надо.

Дѣти вопросительно переглянулись и, почувствовавъ что-то грустное въ словахъ Кукушки, притихли.

— А жены у васъ тоже нѣту?—немного погодя спросилъ Митя.

— Нѣту, барчукъ, ни жены, ни дѣтей.

— Померли?

— Да ихъ и не было никогда.

Это окончательно поставило дѣтей втупикъ. Они уже безъ оживленія стали разсказывать Кукушкѣ, какъ они кормили волченятъ костями, пирожками, какъ для нихъ зарѣзали хромого жеребенка... Но видно было, что интересъ къ волченятамъ ослабѣлъ у нихъ.

Придя къ картофельной ямѣ, всѣ трое стали заглядывать въ нее и увидѣли тощаго и шершаваго звѣрка, который сидѣлъ, прижавшись, по своему обыкновенію, въ уголъ. Онъ былъ уже съ порядочную собаку, но прежней рѣзвости и прыткости въ немъ не осталось и слѣда.

— Онъ даже мяса не хочетъ ѣсть,—сказалъ Коля жалобно.—А зимой онъ замерзнетъ; а папа говоритъ, что въ домъ его нельзя пустить.

— Извѣстно, замерзнетъ,—равнодушно сказалъ Кукушка, садясь около ямы и нюхая табакъ.—Зимой нашему брату плохо,—прибавилъ онъ, загадочно улыбаясь въ раздумьи.

— Какому брату?—спросилъ Коля.

— Волчиному—пояснилъ Кукушка.—Вѣдь, я, барчуки, тоже въ родѣ волченка. И названіе-то мое—Кукушка, значитъ,—нѣтути у меня своего гнѣзда. И житье мое звѣриное. Безпремѣнно я нынѣшней зимой замерзну. Пойдешь выпимши и замерзнешь.

— Водку выпьешь?—спросилъ Коля.

— Водки, милый барчукъ.

— А вы не пейте лучше, — сказалъ Митя, нахмурившись.

— А холодно-то? Радъ бы не выпить, да выпьешь. Ходишь—ходишь, снѣгомъ тебя намочитъ, придешь въ избу, отогрѣешься, анъ одежда-то мокрая. А пойдешь, хвать—мятель подымется, ослабѣешь, выпимши-то, ну и капутъ тутъ тебѣ!

— А вы живите у насъ зимой,—проговорилъ Митя, еще больше нахмуриваясь и слегка дрожащимъ голосомъ, потому что ему было уже до слезъ жалко Кукушку.

Кукушка засмѣялся и покачалъ головой.

— Ахъ, милый барчукъ, — сказалъ онъ, опять открывая тавлинку и нюхая табакъ. — Развѣ баринъ возьметъ меня? Вѣдь, нищихъ-то такихъ, какъ я, прямо болѣ тысячи человѣкъ въ одной нашей округѣ.

— Да, вѣдь, папа одного тебя только возьметъ,— перебилъ Коля.

— Не возьметъ барчукъ. Такъ ужъ на роду мнѣ звѣриное житье положено. А за что? Ну, звѣрю—звѣриная честь, а мы, вѣдь, тоже хрещеные люди.

Правда, и безъ меня много народу останется, да, вѣдь, и то сказать: мнѣ-то за что жъ пропадать? Тоже недаромъ, небось, мнѣ опредѣлено было родиться на бѣлый свѣтъ...

И, помолчавъ, Кукушка прибавилъ нерѣшительнымъ голосомъ:

— А вы вотъ что, барчуки, попросите лучше у папаши какой ни на есть рубашки старой. Моя-то сгнила, почитай.

Онъ раскрылъ шинель и показалъ совсѣмъ истлѣвшую мутно-розовую рубашку, изъ ворота которой виднѣлась черная и худая грудь.

Дѣти переглянулись и, ни слова не говоря, побѣжали къ дому.

— Мы сейчасъ! — крикнули они. Оба они раскраснѣлись и говорили на-бѣгу:

— Коль, а Коль! Тебѣ его жалко?

— А тебѣ?

— Я про тебя спрашиваю. А про себя все равно не скажу.

— Мнѣ жалко,—сказалъ Коля жалобно.—Папа дастъ ему рубашку?

— Я двѣ попрошу, — отвѣтилъ Митя.—Только ты не говори,—кому. А то папа сердитъ былъ на него.

Черезъ полчаса Кукушка стоялъ въ домѣ, въ лакейской и говорилъ барину:

— Вотъ спасибо-то, ваше благородіе! Мнѣ теперь эти три рубахи до самой смерти пойдутъ. А то, вѣдь,

похорониться не въ чемъ. Все въ бѣленькой-то пристойнѣй положить.

Потомъ Кукушкѣ дали водки, кусокъ пирога и четвертакъ денегъ. Онъ долго кланялся, благодарилъ всѣхъ и, наконецъ, сказалъ:

— Счастливо оставаться, ваше благородіе. Я ужъ пойду, въ Ястребинѣ завтра ярманка.

Дѣти пошли его провожать, и по дорогѣ черезъ садъ Кукушка сталъ совѣтовать имъ выпустить волченка:

— Выпустите его, барчуки,—все равно онъ околѣетъ у васъ.

— А если онъ замерзнетъ зимой?—возразилъ Коля.

— Небось, не замерзнетъ. Можетъ, онъ поправится.

— Хотите, мы его сейчасъ выпустимъ?—воскликнулъ Митя.

— Самое лучшее дѣло!

— А какъ?

— А лѣстницу ему подставимъ, сами спрячемся.

Кукушка положилъ мѣшокъ на траву и отправился съ дѣтьми за лѣстницей къ погребу. Совмѣстными усиліями всѣ трое дотащили лѣстницу къ ямѣ, опустили ее туда и сѣли за кусты.

Ждать пришлось долго. Но вотъ изъ ямы показалась голова волченка. Онъ нерѣшительно оглянулся—и опять скрылся.

— Онъ боится,—шепталъ Коля, замирая отъ волненія.

— Погодите, барчукъ!—началъ, было, Кукушка.

Но вдругъ волченокъ сразу выскочилъ изъ ямы, присѣлъ и дико оглянулся.

— Улю-лю-лю!—закричалъ Кукушка не своимъ голосомъ.

Волченокъ шарахнулся въ сторону, подскакнулъ и, бокомъ-бокомъ, прыжкомъ пошелъ изъ сада въ поле.

— Ну, и слава Богу!—сказалъ Кукушка.—Изъ-за него изъ-за проклятаго меня и уволили-то... хоть, правду сказать, и безъ него все равно была бы та же честь... А теперь прощайте, милые барчуки!

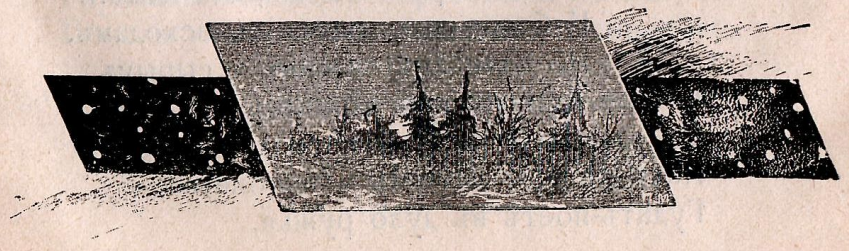
— А ты не замерзнешь теперь?—спросилъ Коля.

— Нѣтъ, барчуки, нѣтъ!—захихикалъ Кукушка.—Таперь не замерзну.

Онъ кивнулъ имъ съ ласковой улыбкой головой, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и, согнувшись, поплелся по полю въ ту сторону, гдѣ скрылся волченокъ. Долго были видны его спина съ заплатой на шинели и дворянскій картузъ на головѣ...

А зимой предсказаніе Кукушки исполнилось. Передъ Святками его нашли въ лугу около лѣса замерзшимъ. Видно, онъ по старой памяти направлялся перепочевать въ караулку, въ которой онъ провелъ такъ хорошо и покойно прошлой весной три мѣсяца...

Но дѣтямъ не сказали объ этомъ, и они, къ сожалѣнію, скоро забыли и о волченятахъ, и о Кукушкѣ.





На охотѣ.

Не видно птицъ. Безмолвно чахнетъ
Лѣсъ опустѣвшій и больной.
Грибы сошли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.
Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ—свалялася трава
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ мокрая листва.
И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ по горѣ
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ...
А въ полѣ—вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ, но свѣжъ,—и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.
Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ...
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ вязкимъ и сырымъ.
И убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ-поетъ въ дуло ружья.



Троица.

Гудящій благовѣстъ къ молитвѣ призываетъ,
На солнечныхъ лучахъ надъ нивами звенитъ...
Даль заливныхъ луговъ въ лазури утопаетъ,
И рѣчка на лугахъ сверкаетъ и горитъ...

А на селѣ съ утра идетъ обѣдня въ храмѣ,
Зеленою травой усыпанъ весь амвонъ,
Алтарь, сіяющій и убранный цвѣтами,
Янтарнымъ блескомъ свѣчъ и солнца озаренъ.

И звонко хоръ поетъ, веселый и нестройный,
И въ окна вѣтерокъ приноситъ ароматъ...
Твой нынче день насталъ, усталый, кроткій братъ,
Весенній праздникъ твой, и свѣтлый, и спокойный!

Ты нынче съ трудовыхъ засѣянныхъ полей
Принесъ сюда въ дары простыя приношенья:
Гирлянды молодыхъ березовыхъ вѣтвей,
Печали тихій вздохъ, молитву—и смиренье.



Въ іюлѣ.

Мѣсяцъ задумчивый, полночь глубокая...
Хуторъ въ степи одинокъ...
Дремлетъ въ молчаньи равнина широкая,
Тепелъ ночной вѣтерокъ.

Желтыя ржи, далеко озаренныя,
Моремъ безбрежнымъ стоятъ...
Вѣтеръ повѣетъ,—онѣ, полусонныя,
Колосомъ спѣлымъ шуршатъ.

Вѣтеръ повѣетъ,--и въ тучку скрывается
Полнаго мѣсяца кругъ;
Медленно въ мягкую тѣнь погружаются
Ближнее поле и лугъ.

Зыблется пепельный сумракъ надъ нивами,
А надъ далекой межой
Свѣтъ изъ-за тучекъ бѣжитъ переливами,--
Яркою, желтой волной,

И сновидѣньемъ, волшебною сказкою
Кажется ночь,—и смущенъ
Ночи іюльской тревожною лаской
Сладкій предутренній сонъ...





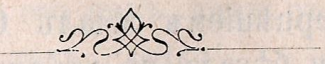
Плеяды.

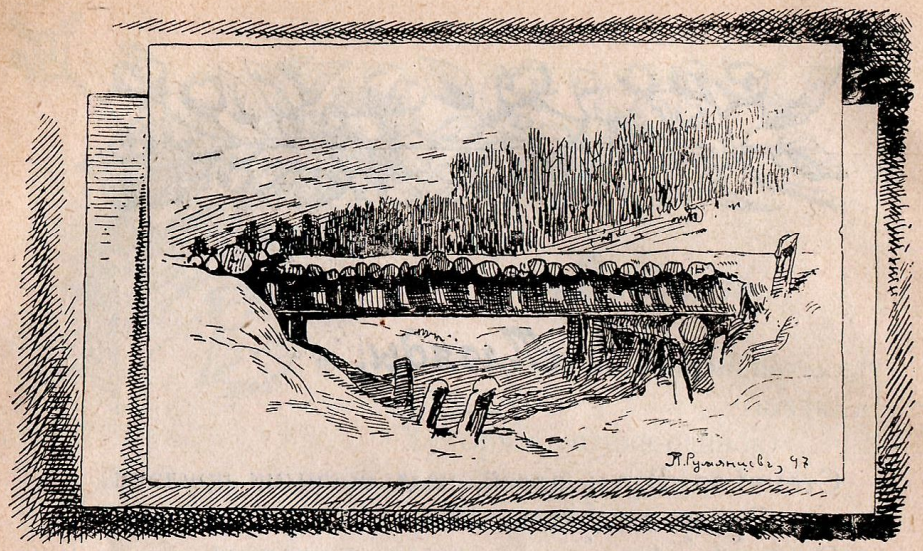
Стемнѣло. Вдоль аллей, надъ сонными прудами,
Бреду я наугадъ.
Осенней свѣжестью, листвою и плодами
Благоухаетъ садъ.

Давно онъ порѣдѣлъ,—и звѣздное сіянье
Бѣлѣетъ межъ вѣтвей.
Иду я медленно,—и мертвое молчанье
Царитъ во тьмѣ аллей.

Вотъ пѣсня донеслась печально издалёка...
Вотъ гдѣ-то возъ скрипитъ...
И снова тишина... Спокойно и глубоко
Пустынный хуторъ спитъ.

И звонокъ каждый шагъ среди ночной прохлады,
И царственнымъ гербомъ
Горятъ холодныя алмазныя Плеяды
Въ безмолвіи ночномъ.





Въ деревнѣ.

I.

Когда я былъ маленькимъ, мнѣ всегда казалось, что вмѣстѣ съ Рождественскими праздниками начинается весна.—„Декабрь—вотъ это зима,“—думалъ я.—Въ декабрѣ погода, по большей части, суровая, сѣрая. Разсвѣтаетъ медленно, городъ съ утра тонетъ въ сизомъ, морозномъ туманѣ, а деревья одѣты густымъ инеемъ сиреневаго цвѣта; солнца цѣлый день не видно, и только вечеромъ замѣчаешь слѣдъ его, потому что долго и угрюмо рдѣетъ мутно-красная заря въ тяжелой мглѣ на западѣ... Да, это настоящая зима!

И я съ нетерпѣніемъ ждалъ Святокъ. Когда въ концѣ декабря я бѣгалъ по утрамъ въ гимназію, видѣлъ въ магазинахъ сотни блестящихъ игрушекъ и украшеній, приготовленныхъ для елокъ, видѣлъ на

базарѣ цѣлые обозы съ этими зелеными, загубленными для праздника елочками, а въ мясныхъ рядахъ—цѣлыя горы мерзлыхъ свиныхъ тушъ, поросятъ и битой, ощипанной птицы, я съ радостью говорилъ себѣ:

— Ну, теперь ужъ близко праздникъ! Скоро настоящая зима кончится, и дѣло пойдетъ на весну. Я на цѣлыя двѣ недѣли уѣду въ деревню и буду тамъ встрѣчать начало весны.

И мнѣ казалось, что только въ деревнѣ и можно замѣтить, что начинается весна. Мнѣ казалось, что только тамъ бываютъ настоящіе свѣтлые, солнечные дни. И правда, вѣдь, въ городѣ мы забываемъ о солнцѣ, рѣдко видимъ небо, а больше любуемся на вывѣски да на стѣны домовъ.

И вотъ, наконецъ, наступалъ давно желанный, радостный день. Вечеромъ вдругъ раздавался звонокъ въ сѣняхъ нашей квартиры, я стремглавъ бѣжалъ въ прихожую и наталкивался тамъ на высокаго человѣка въ большой енотовой шубѣ. Воротникъ этой шубы и шапка на головѣ высокаго человѣка были въ инеѣ.

— Папочка!—взвизгивалъ я въ восторгѣ.

— Уйди, уйди, я—холодный,—говорилъ отецъ весело, и, дѣйствительно, отъ него такъ хорошо пахло морозной свѣжестью, снѣгомъ и зимнимъ воздухомъ.

Весь этотъ вечеръ я не отходилъ отъ отца. Никогда я не любилъ его такъ, какъ въ эти вечера, никогда не засыпалъ такъ сладко!

Я засыпалъ, упоенный мечтами о завтрашнемъ пу-

тешествіи въ деревню, и, правда,—это было веселое путешествіе! Поѣздъ быстро бѣжитъ среди ровныхъ, снѣжныхъ полей, вагонъ озаренъ утреннимъ солнцемъ. Бѣлый дымъ волнующимися клубами плыветъ передъ окнами, плавно упадаетъ и стелется по снѣгу около дороги, а по вагону ходятъ широкія тѣни. Свѣтъ солнца отъ этого то будто меркнетъ, то снова врывается въ окна яркими, янтарными полосами... Даже весело то, что въ вагонѣ такъ много народу, такъ тѣсно и шумно!

Но вотъ и одинокая, знакомая станція среди пустынныхъ полей. Тихо-тихо въ поляхъ послѣ грохота поѣзда! Откинешься въ задокъ саней, прикроешь глаза и только покачиваешься и слышишь, какъ заливается колокольчикъ надъ тройкой, запряженной въ протяжку, какъ визжатъ и постукиваютъ на ухабахъ полозья. Коренникъ сѣетъ иноходью, переднія поджарыя лошади, пофыркивая, несутся вскачъ, комья снѣгу бьютъ въ передокъ, а около саней быстро-быстро, какъ змѣя, вьется длинный кнутъ кучера. Обернешься, — и кажется, что полоса дороги выскальзываетъ изъ-подъ полозьевъ, бѣжитъ назадъ, въ ровное, снѣжное поле...

А потомъ—шагомъ по занесеннымъ вьюгами лугамъ, подъ обрывами съ нависшими тяжелыми снѣгами! Огромными раковинами завиваются внутрь гребни снѣговыхъ навѣсовъ. Ясно и рѣзко отдѣляются ихъ чистыя, холодныя изваянія отъ фона неба: небо снизу кажется темно-темно синимъ! Пристяжныя играютъ, на-ходу хватаютъ губами и отбрасываютъ снѣгъ...

— Балуй!—грозно кричитъ кучеръ, щелкаетъ кнутомъ,—и опять постукиваютъ сани на ухабахъ, и звонко заливается колокольчикъ подъ мѣрно качающейся дугою...

А между тѣмъ уже догораетъ короткій день; встали лиловыя тучки съ запада, солнце ушло въ нихъ, и наступаетъ тихій, зимній вечеръ. Надъ посинѣвшими снѣгами залегаетъ къ востоку морозная мгла ночи. Сливается съ нею вдали снѣжная дорога, и мертвое молчаніе царитъ надъ степью. Только полозья тихо скрипятъ по снѣгу, и задумчиво позваниваетъ колокольчикъ: лошади идутъ шагомъ. Овсянки безшумно перелетаютъ передъ ними по дорогѣ... Мужикъ на розвальняхъ присталъ за нами гдѣ-то на перекресткѣ, и заиндивѣвшая морда его шаршавой, низенькой и бокастой лошадки, которая труситъ рысцой за нашими санями, равномѣрно дышетъ теплымъ паромъ въ мой затылокъ.

— Не наѣзжай! — раздается иногда голосъ нашего кучера среди мертваго молчанія поля.

И мужикъ тоже что-то покрикиваетъ, соскакиваетъ на раскатахъ и снова бочкомъ, на-бѣгу, вваливается въ свои дровни.

А кругомъ все темнѣетъ и темнѣетъ, и уже ночью въѣзжаемъ мы въ знакомое село. Ночь темная, но звѣздная; мелкія звѣзды содрогаются острыми, синими огоньками, крупныя блещутъ переливчатымъ блескомъ разноцвѣтныхъ камней. На селѣ еще краснѣютъ кое-

гдѣ оконца въ смутно-чернѣющихъ избахъ... Въ чистомъ, морозномъ воздухѣ звонко отдаются скрипъ воротъ или лай собачонки...

И чувство глубокаго довольства и покоя наполняетъ душу, когда, наконецъ, медленно въѣзжаешь на сугробъ передъ крыльцомъ освѣщеннаго и теплаго деревенскаго домика!

II.

— Но гдѣ же весна-то?—спросите вы.

А развѣ не весеннее радостное чувство наполняло душу за весь этотъ веселый, солнечный день нашего путешествія въ деревню? Развѣ не съ весеннимъ чувствомъ открывалъ я глаза, проснувшись на другое утро въ дѣтской?

Въ большихъ комнатахъ нашего стариннаго дома съ утра всегда стоялъ синій полусумракъ. Это оттого, что домъ былъ окруженъ садомъ, а стекла оконъ сверху до низу зарисовалъ морозъ серебряными пальмовыми листьями, перламутровыми, узорчатыми папоротниками. Еще до чаю я успѣвалъ обѣгать всѣ комнаты, осмотрѣть всѣ эти рисунки, сдѣланные морозомъ за ночь, и даже—побывать въ сѣнцахъ, гдѣ стоятъ лыжи.

— Папа, я пойду покатаюсь немного, — робко говорилъ я отцу тотчасъ послѣ чаю.

Отецъ пристально смотрѣлъ на меня и съ улыбкой отвѣчалъ:

— Ахъ, ты, дикарь этакій! Настоящій вогулъ! Вѣдь, еще холодно, носъ отморозишь.

— Я только на минутку...

— Ну, если такъ,—бѣги!

— Я вогулъ, я вогулъ, — кричалъ я, подпрыгивая отъ радости и поспѣшно снаряжаясь въ путь.

Рѣзкій, морозный воздухъ такъ и охватитъ всего, когда выйдешь изъ дому. За садомъ еще холодно краснѣетъ заря. Солнце только-что выкатилось огнистымъ шаромъ изъ-за снѣжнаго поля; но вся картина села уже сверкаетъ яркими и удивительно нѣжными, чистыми красками сѣвернаго утра. Клубы дыма алѣютъ и медленно расходятся надъ бѣлыми крышами. Садъ—въ серебряномъ инеѣ... Туда-то мнѣ и нужно! И, ставъ на лыжи, окруженный гончими, я спѣшилъ забраться въ самую чащу, гдѣ можно съ головой утонуть въ снѣгу.

— Я вогулъ!—кричалъ я собакамъ, пробираясь по пушистому снѣгу къ пруду подъ садомъ.

Тамъ, на старыхъ ракитахъ, до полудня держится густой, махровый иней. Весело отряхать его и чувствовать, какъ онъ осыпаетъ лицо своимъ холоднымъ пухомъ! А еще веселѣе смотрѣть, какъ на прудѣ работники прорубаютъ проруби и баграми вытаскиваютъ изъ воды огромныя льдины. Словно квадраты свѣтлыхъ горныхъ хрусталей, сіяютъ онѣ на солнцѣ, играя зеленоватыми и синими переливами...

Къ обѣду солнечный день окончательно разыгры-

вается. Съ навѣса крыльца падаютъ капели. Какъ слоновая кость, блестятъ по деревенскому выгону отшлифованные ухабы дороги.

— „Весна, весна близко!“ — думаешь, прикрывая глаза подъ лаской солнца.

И весь день не хочется уходить со двора! Все радуетъ. Забредешь ли на дворъ, гдѣ около яслей дремлютъ, изрѣдка глубоко вздыхая и раздувая бока, меланхоличныя коровы, бродятъ похудѣвшія за зиму лошади, и жмутся въ кучу овцы; пройдешь ли на гумно и слышишь по дорогѣ, какъ возятся и трещатъ воробьи въ кустахъ акацій, какъ они вдругъ снимаются всей своей шумной стаей и дождемъ сыплются на крышу риги, — все радуетъ... А на гумнѣ, въ затишьи скирдовъ и соломенныхъ валовъ, забитыхъ снѣгомъ, особенно уютно. Хорошо полежать подъ солнцемъ въ ометѣ, въ соломѣ, которая такъ рѣзко пахнетъ мышами и снѣгомъ!

И весь праздникъ проходилъ у меня въ этомъ очарованіи солнечными днями, въ свѣтлыхъ грезахъ о близкой веснѣ. Забудешь, бывало, объ урокахъ, забудешь даже лыжи, и все сидишь въ освѣщенной солнцемъ залѣ, все глядишь на далекія, снѣжныя поля, которыя уже блестятъ по-весеннему золотистою слюдою крѣпкаго наста.

III.

— Ну, не скучай, смотри,—говорилъ отецъ, когда, наконецъ, меня снова снаряжали въ городъ.—Теперь и

не увидишь, какъ наступитъ весна. Какихъ-нибудь два мѣсяца, а тамъ и Святая, и лѣто. Пріѣдешь тогда, — жеребчика верхового тебѣ подарю, будемъ верхомъ вмѣстѣ ѣздить, за перепелами ходить...



Мнѣ было очень грустно покидать родной домъ, но я вполнѣ соглашался съ отцомъ: теперь ужъ скоро весна!

— А, вѣдь, правда, папа, совсѣмъ весной пахнетъ! — говорилъ и я, когда утромъ мы садились въ сани, переваливались въ воротахъ черезъ высокій сугробъ, набитый вчерашней мятелью, и глубоко вздыхали свѣжимъ вѣтромъ съ запахомъ молодого снѣга.

— А ты любишь весну? — спрашивалъ отецъ съ улыбкой.

— Люблю, папа! Очень люблю!

— А деревню любишь?

— Конечно, люблю...

— Это хорошо,—прибавлялъ отецъ.—Когда ты вырастешь, ты поймешь, что человѣкъ долженъ жить поближе къ природѣ, любить родныя поля, воздухъ, солнце, небо... Это неправда, будто въ деревнѣ скучно. Бѣдности въ деревнѣ много,—вотъ это правда, и, значитъ, надо дѣлать такъ, чтобы было поменьше этой бѣдности,—помогать деревенскимъ людямъ, трудиться съ ними и для нихъ... И хорошо можно жить въ деревнѣ!

— „Правда, правда! — думаю я. — Въ городѣ даже весною не пахнетъ. А вотъ тутъ пахнетъ. И проруби вонъ уже почернѣли, оттаивать стали“...

Мы проѣзжаемъ по большему селу надъ рѣкою, и я спѣшу наглядѣться на все деревенское.

Кругомъ чернѣютъ среди сугробовъ грязныя избы; но скоро сугробы растаютъ, и даже эти бѣдныя избы станутъ чистенькими и веселыми. Да и теперь весело въ нихъ, особенно въ тѣхъ, въ кирпичныхъ, гдѣ живутъ зажиточныя семьи. И съ какимъ удовольствіемъ входилъ я въ такую избу, когда мы останавливались покормить лошадей!

Въ кирпичныхъ избахъ у богатыхъ мужиковъ всегда сыро, угаръ зеленоватымъ паромъ стоитъ въ тепломъ воздухѣ, на полу—мокрая солома, но всегда аппетитно пахнетъ хлѣбами, народу много, и всѣ за работой: кто отрывисто гудитъ тетивой, которая бьетъ и вздымаетъ пушистую, бѣлую „волну“; кто чинитъ хомутъ, съ внезапной рѣшительностью раздергивая въ разныя стороны пропущенную въ кожу дратву; а бывалый человѣкъ, портной, въ жилеткѣ, утыканной иголками, и съ моткомъ нитокъ на шеѣ, забавляетъ всѣхъ розсказнями. Сидя на „коникѣ“, скорчившись,—одна нога подъ себя, а колѣно другой поднято почти къ самому лицу,—и ухитряясь держать большимъ пальцемъ босой ноги край сукна или овчины, онъ пристально пьетъ, но говоритъ, не смолкая, и при этомъ задумчиво улыбается веселыми, умными глазами, встряхивая со лба волосы и вдѣвая на свѣтъ нитку въ иголку. И всѣ глядятъ на него дружелюбно. Онъ вездѣ свой человѣкъ, даже для дѣтей, которыхъ онъ нянчитъ по вечерамъ на рукахъ, даетъ имъ брать себя за бороду, а потомъ вдругъ щелкнетъ зубами, гамкнетъ, какъ собака, и схватитъ ртомъ дѣтскую ручонку, отчего ребенокъ, съ замираніемъ сердца ждавшій „штуки“, радостно взвизгиваетъ и заливается смѣхомъ...

Я уже не разъ видалъ его, и теперь смотрю на него съ большимъ любопытствомъ. Но пора ѣхать. Мы прощаемся съ хозяевами и выходимъ на крыльцо. Хозяинъ, который насъ провожаетъ, стоитъ на крыльцѣ въ шапкѣ, но въ одной рубахѣ, смотритъ на меня и, улыбаясь, говоритъ:

— Что жъ, барчукъ, теперь, значитъ, до весны въ городъ?

— До весны,—говорю я,—да, вѣдь, весна скоро!

— Скоро, скоро!—соглашается мужикъ.

Мы опять ѣдемъ мимо черныхъ сельскихъ избъ, по буграмъ, съ которыхъ катаются мальчишки на „ледяшкахъ“, по лугамъ, гдѣ на высокихъ лозинахъ качаются грачиныя гнѣзда, а около горбомъ наросшихъ краевъ проруби бабы бойко полощутъ бѣлье въ темной, студеной водѣ и звонко переговариваются...

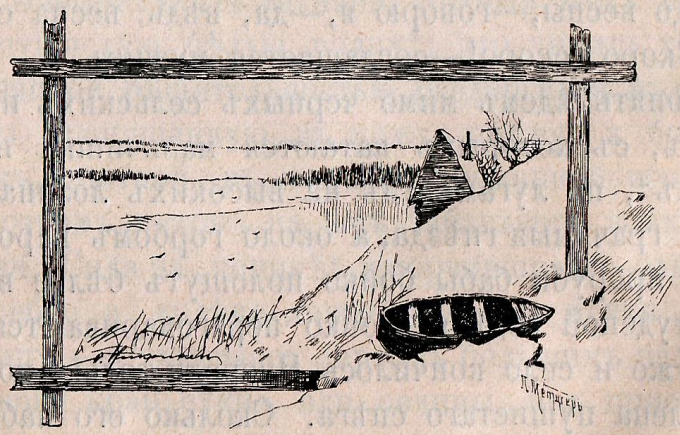
Но уже и село кончилось. Впереди только поле, бѣлая пелена пушистаго снѣга. Сколько его набило за ночь въ лощинахъ!.. Въ полѣ опять стало вѣтрено; вѣтеръ заноситъ въ сторону гривы и хвосты лоша-

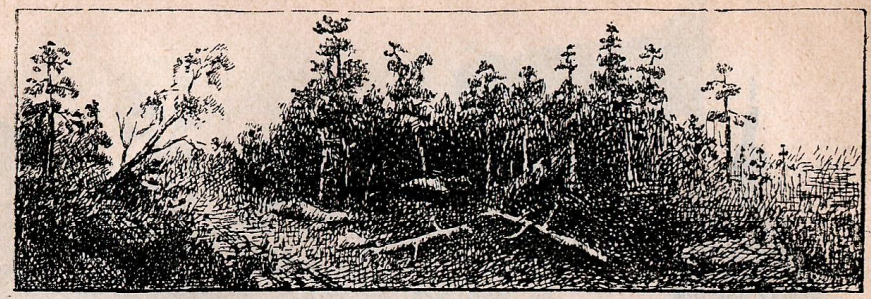
дей, дорога тяжкая; но лошади застоялись, онѣ какъ-будто рады вѣтру и простору полей и быстро несутъ насъ впередъ... Небо сплошь закрыто облаками, вдалекѣ чернѣетъ лѣсокъ.

— „Оттепели начались“,—думаю я.

И мнѣ представляется, какъ теперь надолго пойдутъ эти сѣрые дни, когда на межахъ въ пустой степи уныло качается прошлогодняя полынь отъ вѣтра. Но все-таки весна близко! Этотъ же вѣтеръ скоро станетъ теплѣе, а когда наступитъ мартъ,—шумно и весело пойдетъ онъ по березовымъ лѣсамъ въ блескѣ весенняго солнца, пробуждая природу отъ зимняго сна. А потомъ загремятъ по оврагамъ полыя воды, налетятъ съ далекаго юга птицы, зазеленѣютъ поля...

— Хорошо въ поляхъ!





Въ крымскихъ горахъ.

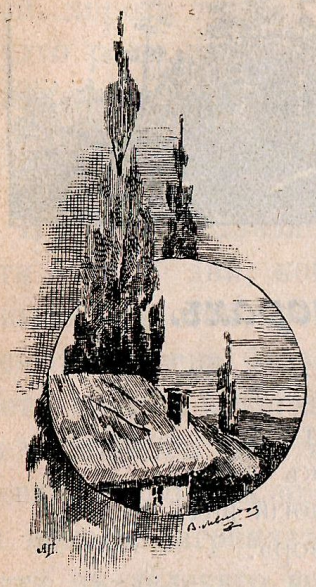
I.

Здѣсь осень свѣтлая и тихая стоитъ.
У насъ, на сѣверѣ, теперь зима ужъ скоро,
И сѣверныхъ лѣсовъ угрюмый, строгій видъ
Багряною листвой не утѣшаетъ взора.

Цвѣтовъ и пѣвчихъ птицъ давно ужъ въ чащахъ нѣтъ,
И гулко каждый звукъ по чащамъ раздается...
Въ полураскрытый верхъ деревьевъ грустно льется
Осенній полусвѣтъ.

А въ сѣверныхъ поляхъ, пустынныхъ и туманныхъ,
Въ такіе дни еще тоскливѣй и грустнѣй,—
Лишь караваны тучъ сѣдыхъ и оловянныхъ,
Плывутъ надъ скучною пустынею полей.

Когда же гаснетъ день, и сумерки скрываютъ
Безмолвныя поля въ свою густую тѣнь,—
Печально огоньки среди лѣсовъ мерцаютъ
Изъ бѣдныхъ деревень...



II.

Но далеко отъ насъ все это.
Здѣсь ночи звѣздны, ясны дни,
И сколько въ нихъ тепла и свѣта,
Какъ упоительны они!

Ни тучки нѣтъ на небосклонѣ.
Проснешься утромъ,—тишина,
Тѣнь отъ деревьевъ на балконѣ
Прохладой бодрою полна.

Въ долинахъ паръ на солнцѣ блещетъ,
Синѣютъ влажно цѣпи горъ,
Подъ ними золотомъ трепещетъ
Морской лазоревый просторъ,

И тамъ, гдѣ съ ласкою прощальной,
Бѣлѣя, тонутъ паруса,—
Чертою призрачно-хрустальной
Слилися съ моремъ небеса...



III.

И въ горы я съ утра съ двухстволкой ухожу;
Тамъ воздухъ по утрамъ еще свѣжѣй и чище,
И цѣлый день одинъ я въ тишинѣ брожу
Среди пустынныхъ горъ, какъ-будто на кладбищѣ.

На скатахъ ихъ видны лишь камни да трава,
И кажется внизу, въ долинахъ межъ горами,
Что неба яркая, густая синева
Отрѣзана вверху гранитными скалами.

И я иду туда, къ той свѣтлой вышинѣ,
Не отрываю глазъ отъ синяго простора,
Но тонутъ небеса въ воздушной глубинѣ,
Уходятъ медленно отъ взора...

Зато какая даль открылась предо мной!—
Извивы рѣкъ, лѣса, кустарникъ ярко-алый,
Долины, цѣпи горъ, вершины, перевалы,
А тамъ и ширь полей—дорога въ край родной!

IV.

Степь равниной пожелтѣвшею,
Безграничною лежитъ,
И вдали воздушной марево
Надъ равниною дрожитъ.

И курганы одинокіе,
Молчаливые видны,
Беззавѣтной, грустной думою
О бывалыхъ дняхъ полны.

И въ выси небесной съ сѣвера,
Чуть замѣтные вдали,
Надъ степями, надъ курганами
Тихо тянутъ журавли.

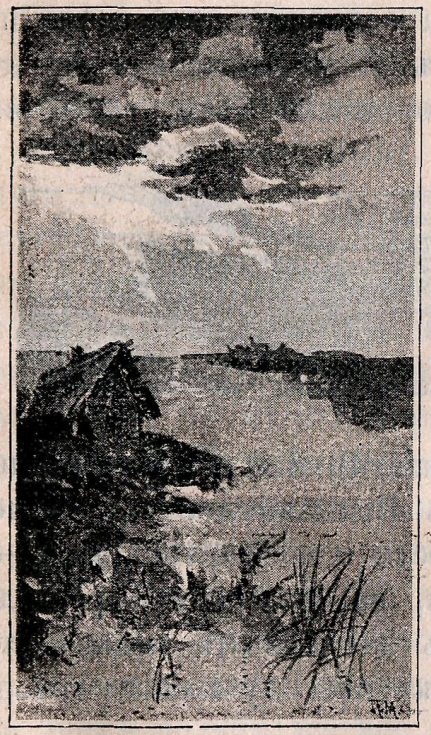
И скликаются, и слышится
Въ перекличкѣ ихъ печаль...
Не родимаго-ли сѣвера
Перелетнымъ птицамъ жаль?

Если такъ,—снесите къ сѣверу,
Возвращаясь по веснѣ,
И мою печаль по родинѣ,—
Мой поклонъ родной странѣ!

„Казацкимъ ходомъ“.

„О, Днепре, словутицю! — ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую!..“

Сл. о пл. Игоревѣ.



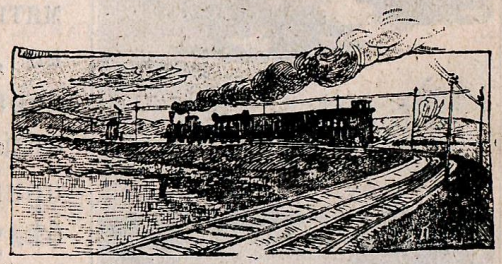
I.

Навсегда останется памятной для меня эта поѣздка на „Чайкѣ“! То было мое первое юношеское путешествіе. Позднѣе мнѣ много пришлось помыкаться по бѣлу-свѣту, но, кажется, ни одно мое путешествіе не запечатлѣлось такъ въ моей душѣ, какъ эти недолгія скитанія по югу Россіи.

Я очень долго лелѣялъ мечты о нихъ. Въ то время я кончалъ курсъ въ гимназіи и, слѣдовательно, могъ воспользоваться своей свободой только лѣтомъ. Однако, готовиться къ дорогѣ я началъ, кажется, еще съ января. Много вечеровъ я потратилъ на изученіе

карты юга, на составленіе маршрутовъ и на высчитываніе путевыхъ издержекъ; наконецъ, большого труда стоило мнѣ уговорить матушку отпустить меня одного. Я старался держаться такъ серьезно и важно, а главное, такъ упрашивалъ ее, что она согласилась-таки. Но если бы она знала, что мнѣ придется путешествовать по „порогамъ“!

Къ чести моей, надо, впрочемъ, оговориться, что я не обманывалъ ее, когда говорилъ, что поѣду по Днѣпру только до пороговъ. Я много читалъ передъ тѣмъ о Малороссіи, о Запорожской Сѣчи, часто рисовалъ себѣ въ воображеніи бурные днѣпровскіе пороги и переѣзды черезъ нихъ „казацкимъ ходомъ“, т.-е. прямымъ путемъ черезъ ихъ водовороты; но вовсе не надѣялся увидать ихъ въ это лѣто. Въ дорогѣ я даже забылъ о нихъ. Вниманіе мое было отвлечено видомъ новой мѣстности и новаго типа людей—малороссовъ, и въ вагонѣ, на пути отъ Курска до Кіева, я или не отходилъ по цѣлымъ часамъ отъ окна, или прислушивался къ мягкому южному говору и вглядывался въ лица.



Хохлы мнѣ очень понравились съ перваго взгляда. Я сразу замѣтилъ рѣзкую разницу, которая существуетъ между мужикомъ-великороссомъ и хохломъ. Наши

мужики — народъ, по большей части, изможденный, въ дырявыхъ зипунахъ, въ лаптяхъ и онучахъ, съ исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производятъ отрадное впечатлѣніе: рослые, здоровые и крѣпкіе, смотрятъ спокойно и ласково, одѣты въ чистую, новую одежду... И мѣста за Курскомъ начинаются тоже веселыя: равнины полей уходятъ въ такую даль, о которой жители среднихъ и сѣверныхъ губерній даже понятія не имѣютъ. И даль эта такъ живописно скрашивается синѣющими курганами и силуэтами стройныхъ тополей на хуторахъ.

Благодаря всему этому, я очень долго пробылъ въ пути до Кіева. За Путивлемъ, за древнимъ Путивлемъ, гдѣ когда-то плакала Ярославна, плакала ранними зорями на „заборолѣ“ объ Игорѣ,—я покинулъ поѣздъ и рѣшилъ идти нѣсколько дней пѣшкомъ. Вещи мои были сданы въ багажъ, револьверъ—со мною, и мнѣ ничто не мѣшало привести въ исполненіе свое намѣреніе. Во мнѣ уже и тогда жила страсть къ пѣшимъ путешествіямъ, — и вотъ я одинъ въ степи, правда, недалеко отъ станціи, чтобы имѣть возможность запасаться пищей, но все-таки въ степи, цѣлый день одинъ и подъ открытымъ небомъ!

А погода, какъ нарочно, стояла прекрасная. День за днемъ поднимался все ярче и ярче. И какъ яркій, знойный сонъ, осталось во мнѣ воспоминаніе объ этихъ дняхъ. Было начало іюня, самое веселое время года. Никогда не бываетъ такихъ свѣтлыхъ полдней,

никогда не дышетъ природа такою полнотою счастья и жизнерадостности, какъ въ эту пору; и хорошо мнѣ было идти по горячимъ, пыльнымъ дорогамъ, пробираться по межамъ, утонувшимъ въ неподвижныхъ ржахъ, овсахъ, ячменяхъ и пшеницахъ, гдѣ, какъ отъ костра, пышетъ въ лицо сухимъ жаромъ, душно пахнетъ степною растительностью — нагрѣтыми цвѣтами и травами, а надъ головою звенитъ и звенитъ воздушная музыка тысячи дискантовыхъ оркестровъ насѣкомыхъ, неумолчно воспѣвающихъ эту радостную жизнь степного іюньскаго полдня, эти безконечныя дали, млѣющія въ ослѣпительномъ блескѣ солнца!..

Верстъ за сто до Кіева я, наконецъ, снова сѣлъ въ вагонъ. Какъ сейчасъ, помню, солнце уже склонялось къ западу, поѣздъ быстро бѣжалъ среди придпѣпровскихъ лѣсовъ, и вдругъ въ воздухѣ ощутительно повѣяло какимъ-то удивительно пріятнымъ, свѣжимъ ароматомъ. Я выглянулъ въ окно,—и сердце во мнѣ захолонуло отъ радости: предо мной уже разстилалась на нѣсколько десятковъ верстъ и синѣла лѣсами, лугами и отдаленными горами — долина Днѣпра!

— Чѣмъ же это такъ хорошо пахнетъ?—спросилъ я своего сосѣда.

— А!—сказалъ онъ съ улыбкой.—Это рѣдкій ароматъ! Это пахнетъ зеленью дубовыхъ лѣсовъ и верболозъ на островахъ, еще недавно вышедшихъ послѣ половодья изъ Днѣпра.

Не знаю почему, но слова его показались мнѣ тогда очень поэтичными. Поѣздъ подъ уклонъ бѣжалъ все быстрѣе и быстрѣе, и, стоя у окна, я упивался ароматнымъ вѣтромъ, который такъ ласково и мягко билъ мнѣ въ лицо навстрѣчу. Долина все привольнѣе развертывалась въ золотистомъ вечернемъ освѣщеніи. А потомъ рѣзко засинѣлъ разливъ и самого Днѣпра, сверкнули за Днѣпромъ, впереди поѣзда, золотые кресты кіевскихъ церквей на высокихъ горахъ, загремѣлъ подъ колесами вагоновъ днѣпровскій мостъ и долго мелькалъ передъ глазами желѣзными переплетами своей рѣшетчатой галлереи, словно поѣздъ бѣжалъ въ клѣткѣ.

— Кіевъ!—слышались голоса вокругъ меня.—Слава Тебѣ, Господи,—пріѣхали!

II.

И вотъ мечты мои осуществились: я—въ настоящей Малороссіи, на Днѣпрѣ, да еще стою на палубѣ „Чайки“, отправляющейся въ долгое плаваніе, во время котораго придется „казацкимъ ходомъ“ переправляться черезъ пороги!

Попасть на нее мнѣ удалось, какъ уже было сказано, совсѣмъ случайно, благодаря неожиданной протекціи одного нашего дальняго родственника, жившаго въ Кіевѣ и занимавшагося собираніемъ матеріаловъ для исторіи Малороссіи.

— Если васъ такъ уже интересуетъ Днѣпръ,—

сказалъ онъ мнѣ, — такъ я вамъ устрою поѣздку до самаго Александровска на „Чайкѣ“. Хотите?

— А что это за „Чайка“?—съ любопытствомъ перебилъ я.

Онъ хитро и искоса взглянулъ на меня сквозь очки и засмѣялся жидкимъ смѣхомъ худощаваго и маленькаго старичка.

— А це не птица,—сказалъ онъ въ носъ,—це такій гончакъ, иными словами барка, нагруженная дровами.

Признаюсь, это меня разочаровало. Я вообразилъ, что „Чайка“—какой-нибудь красивенькій, бѣлый бригъ подъ бѣлыми парусами; а тутъ вдругъ—барка съ дровами!

— Да, да,—подтвердилъ старый ученый,—это барка одного моего знакомаго еврея, который и прозвалъ ее „Чайкой“. Глупо, конечно, ну, да что жъ дѣлать! Вамъ придется двигаться на ней очень медленно, да зато вы перейдете пороги, чего нельзя сдѣлать на пароходѣ, и увидите настоящихъ потомковъ запорожцевъ — лоцмановъ, которые поведутъ „Чайку“ отъ самаго Екатеринослава до Хортицы, гдѣ когда-то тоже пановали казаки. Такимъ образомъ, я думаю, вы примиритесь съ „Чайкой“...

Я съ благодарностью поспѣшилъ согласиться на такое предложеніе и, надо правду сказать, не жалѣлъ потомъ объ этомъ: я, дѣйствительно, не только примирился съ „Чайкой“, но привязался къ ней и покинулъ ее съ большой грустью.

Мирно и весело протекло наше плаваніе на ней! Весь экипажъ ея состоялъ изъ одиннадцати человѣкъ: восьми гребцовъ бѣлоруссовъ, старика-еврея, его племянника и меня. Бѣлоруссы почти весь день, стоя, гребли длинными веслами. Молодой Илья Исаичъ лежалъ на палубѣ и большую часть времени читалъ лубочные романы, а самъ Исай Марковичъ, толстый и чрезвычайно серьезный человѣкъ, былъ занятъ какими-то расчетами, молитвою да ѣдою и все сидѣлъ въ каютѣ,—небольшой, деревянной каморкѣ, устроенной на кормѣ подъ рулемъ. Я, такимъ образомъ, былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ и могъ спокойно наслаждаться красотой Днѣпра.

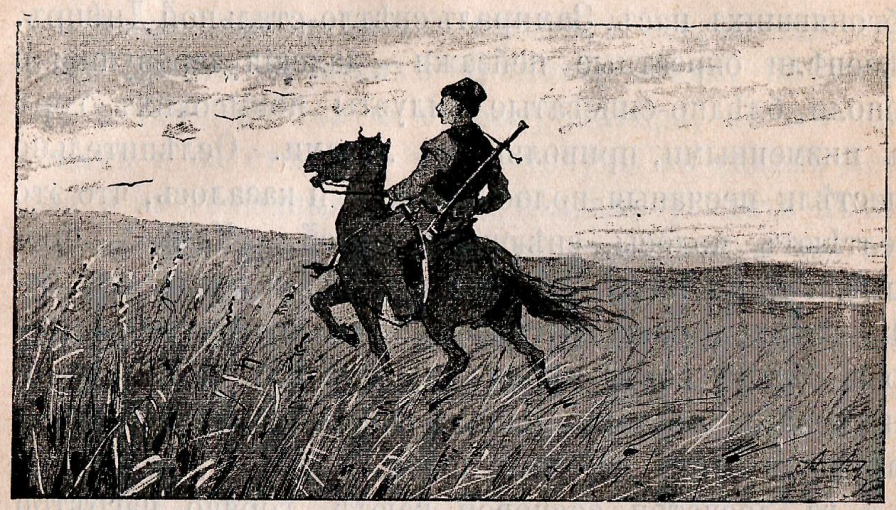
По зарямъ отъ широкаго лона рѣки, отъ ея неоглядныхъ береговъ и синѣющихъ далей вѣяло такой здоровой свѣжестью, такою ароматной влагою — крѣпкимъ запахомъ дубовой зелени, что, казалось, съ каждымъ вздохомъ впитываешь въ себя молодость и бодрость. Плавно отдавалась медленному теченію наша барка, а навстрѣчу ей двигалась многоводная ширь Днѣпра, проходили зеленыя рощи острововъ, тамъ и сямъ тяжело плыли огромные плоты, а на нихъ хлопотали за работой люди, раздавались бойкіе крики, говоръ и пѣсни. И, щурясь отъ яркаго и бодраго блеска утренняго солнца, я не сводилъ глазъ съ этой величавой рѣки, извивающейся больше, чѣмъ на двѣ тысячи верстъ, по древнимъ мѣстамъ русскаго царства. Видъ нашихъ гребцовъ, голубоглазыхъ, по-

корныхъ и ласковыхъ бѣлоруссовъ, въ лаптяхъ и длинныхъ, грязныхъ рубахахъ, напоминалъ мнѣ бѣдную родину Днѣпра — болота Смоленской губерніи. Тамъ таинственно зарождается онъ маленькою рѣчкою и бѣжитъ среди дремучаго Полѣсья, гдѣ до сихъ поръ еще бродятъ кабаны и дикія козы, а бобры строятъ на лѣсныхъ затонахъ свои хижины; тамъ растетъ онъ, сливаясь съ таинственными притоками въ глуши и синеватомъ сумракѣ сосновыхъ дебрей, и уже величавымъ и полноводнымъ появляется въ этой мирной и веселой Украйнѣ, благословенной странѣ земледѣлія и сельской жизни.

И я думалъ о томъ, какъ прекрасна еще до сихъ поръ эта страна, надъ которой пронеслось столько вѣковъ кровавыхъ войнъ и раздоровъ, по степямъ которой бродили дикія племена печенѣговъ и половцевъ; думалъ о томъ, какъ долго хранитъ эта страна печать глубокой старины среди новой, шумной жизни... И,—смѣшно сказать!—стоя на палубѣ, я не разъ искалъ глазами того мѣста, гдѣ когда-то среди горъ бѣлѣлъ приднѣпровскій хуторъ пана Данилы...

Но, увы, Богъ его знаетъ, гдѣ это жилъ панъ Данило! Времена „Страшной мести“ такъ же, какъ и далекія времена половцевъ, давно отошли въ вѣчность. Грозныя были уже не пугаютъ насъ, но еще живо напоминаетъ о нихъ могущественный и глубокій Днѣпръ. Вершины его прибрежныхъ горъ все еще похожи на древніе курганы... На нихъ видны

теперь только звѣздообразныя крылья безчисленныхъ вѣтряковъ, но за ними разстилаются пустынныя и необозримыя равнины, степь, какъ море широкое,



синѣетъ, да чернѣютъ силуэты каменныхъ статуй,—мертвыхъ идоловъ, при взглядѣ на которые такъ жутко сжимается сердце, а мысль невольно переносится къ темной и дикой жизни сѣдой старины...

III.

Въ такихъ размышленіяхъ незамѣтно проходило для меня время; а „Чайка“, между тѣмъ, спокойно и незамѣтно совершала свой путь.

Дни продолжали стоять все такіе же знойные и свѣтлые, какіе могутъ быть только на югѣ. Часовъ съ одиннадцати утра вся картина Днѣпра какъ бы замирала въ неподвижномъ воздухѣ. Воздухъ, казалось,

былъ такъ же горячъ, какъ горячій паръ, что, подобно расплавленному стеклу, чуть дрожалъ надъ широкими, черными трубами бѣлыхъ пароходовъ, медленно обгонявшихъ насъ. Замиралъ свѣтло-стальной Днѣпръ, цѣпенѣли окрестные пейзажи — далекія деревушки и тополи, блѣдно-синеватые силуэты невысокихъ горъ за низменными, привольными лугами. Ослѣпительно блестѣли песчаныя полосы мелей, и казалось, что это желтѣютъ полосы спѣющихъ ржей. „Чайка“, проплывая мимо нихъ, замедляла ходъ, и тогда еще болѣе затихало все кругомъ. И только заунывные голоса бѣлоруссовъ, мѣрно опускавшихъ и поднимавшихъ весла въ тактъ своимъ грустнымъ напѣвамъ,— нарушали этотъ мертвый покой.

А въ досчатой сосновой каютѣ, горячо нагрѣтой солнцемъ, весь день съ неуловимой плавностью бѣжали по потолку свѣтлыя отраженія рѣки, въ открытое окошечко тянуло прохладой, пахло водой и рыбой, между тѣмъ, какъ у самаго борта весь день шумѣли и плескались прозрачныя днѣпровскія волны, такъ неустанно и ровно бѣгущія и волнующіяся, что при взглядѣ на нихъ кружилась голова, и обнимала дремота...

Подъ вліяніемъ этого мира и покоя, мало-по-малу блѣднѣли воспоминанія древности, неразлучно связанныя съ кіевскими мѣстами, и уступали мѣсто впечатлѣніямъ новой жизни, переполняющей теперь берега Днѣпра. Я видѣлъ шумныя торговыя пристани, которыя кипѣли народомъ въ живописныхъ малорусскихъ нарядахъ; видѣлъ старинныя большія села, которыхъ такъ много подъ Кіевомъ,—эти сотни бѣлыхъ хатъ, утонувшихъ въ зеленыхъ садахъ, и сверкающіе надъ ними кресты сельскихъ храмовъ; зналъ, наконецъ, что и тамъ, по лѣвую сторону Днѣпра, на его притокахъ и на степяхъ, также тонутъ въ садахъ веселыя и многолюдныя деревни, и ждалъ увидѣть вѣчное пристанище того, кто такъ горячо любилъ все это, кто воплотилъ въ своихъ пѣсняхъ всю красоту своей родины вмѣстѣ съ горестями своей страдальческой жизни, и чье простое крестьянское имя—Тарасъ Шевченко — навсегда останется украшеніемъ русской литературы.

Впослѣдствіи я бывалъ на могилахъ многихъ великихъ людей, но ни одна изъ нихъ не произвела на меня такого трогательнаго впечатлѣнія, какъ могила украинскаго „кобзаря“. И въ самомъ дѣлѣ,—чья могила скромнѣе и въ то же время величественнѣе и поэтичнѣе? Вблизи ея — древній Каневъ, „мѣсто крови“, по старинному турецкому наименованію, гдѣ почиваютъ на древнихъ монастырскихъ кладбищахъ герои и защитники стариннаго казачества — Самійло Кишка, Шахъ и Иванъ Пидкова. Сама она—на высокихъ, живописныхъ горахъ, далеко озирающихъ и Днѣпръ, и синія долины, и сотни селеній,—все, что только дорого было усопшему поэту. И въ то же время какъ проста она! Небольшой холмъ, а на немъ—бѣлый крестъ

съ скромной надписью... вотъ и все! Когда-то тотъ, кто лежитъ теперь подъ нимъ, лелѣялъ мечты о родной хатѣ, которую ему теперь хотѣлось поставить надъ Днѣпромъ, „принести и положить на дніпровыхъ



горахъ серце замучено, источене горемъ". Онъ даже побывалъ передъ смертью на этихъ горахъ и трогательно дѣлился своими завѣтными мечтами съ горячо любимою сестрою. Но, увы, покой и пріютъ отъ скитаній и горестей ему суждено было найти лишь въ могилѣ!

Бѣленькая хатка, окруженная мальвами, макомъ и подсолнечниками, стоитъ теперь возлѣ его надгроб-

наго креста. Чисто и уютно въ ней, но хозяинъ ея никогда не переступитъ ея порога. Грустно смотритъ его портретъ со стѣны хатки на „Кобзарь", лежащій на столѣ, и какъ бы съ укоромъ говоритъ посѣтителю: —„Что вы сдѣлали со мною, люди? За что такъ грустно и одиноко протекала моя жизнь? Зачѣмъ положили вы меня въ могилу, когда я такъ любилъ Божій міръ и свою родину?.."

IV.

Взволнованный, я часто возвращался мыслями въ эту бѣленькую хату. Съ грустью смотрѣлъ я на удаляющіяся отъ насъ Каневскія горы. И еще прекраснѣе и милѣе казалась мнѣ теперь родина великаго народнаго поэта.

Былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, которые такъ любятъ ласточки, вечеръ, когда имъ такъ привольно уноситься въ ясное небо или скользить надъ зеркальною водою, быстро задѣвая ее острымъ крылышкомъ, и снова съ безотчетно-радостнымъ щебетаніемъ тонуть въ чистомъ воздухѣ, —вечеръ, полный идеальной, гармоничной красоты.

Всѣ самыя нѣжныя краски — отъ пепельно-розовой до пурпурно-золотистой, —всѣ самыя легкія отраженія вечерней зари воспринимала неподвижная, широкая, какъ озеро, поверхность Днѣпра; даже странно было чувствовать, что мы плывемъ по ней—такъ картинна и спокойна была она... А плыли мы уже подъ Сѣки-

ной, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ правый берегъ послѣ горъ на нѣсколько верстъ въ ширину и длину разстилается въ широкую, низменную равнину. То были луга, заливные луга, не наши великорусскіе, отъ которыхъ вѣетъ всегда пустынностью, а украинскіе живописные луга, по которымъ то зеленѣютъ рощи, то одиноко идутъ среди сѣнокосовъ кудрявыя деревья, красивыя и картинно сокращенныя далью, какъ на рисованныхъ пейзажахъ. Можетъ-быть, лѣтній вечеръ и мое настроеніе опоэтизировали эти мѣста; но только мнѣ казалось, что именно эти мѣста — настоящія украинскія, такія, какими я рисовалъ себѣ ихъ съ дѣтства, со всей поэзіей и мечтательной красотой южной природы.

И я глядѣлъ въ вечерѣющую даль этихъ заливныхъ луговъ, представлялъ себѣ зеленую сельскую улицу и почти слышалъ звонкіе дѣвичьи голоса около бѣлыхъ хатъ, далеко разливающіеся по тихой зарѣ и поющіе о томъ же, о чемъ пѣлъ и великій украинскій поэтъ. Я опять вспоминалъ тѣ могилообразныя горы, отъ которыхъ пахнуло на меня старыми преданьями, и невольно переплеталъ свои мысли съ мыслями о жизни Тараса, не спуская глазъ съ его могилы.

И далекія Каневскія горы долго рисовались позади насъ, какъ смутно-лиловая тучка, на золотистомъ фонѣ запада. И всю зарю маячили ихъ очертанія за безбрежнымъ зеркаломъ Днѣпра...

А когда стемнѣло, и на мачту подняли фонарь, стало

холодно, слегка туманно, и, глядя впередъ, на востокъ, я уже не видѣлъ береговъ. Синій Днѣпръ слился съ мутной синевой темной южной ночи. Ночной вѣтеръ разводилъ большую зыбь; Днѣпръ волновался, и казалось, что вся туманная синева Днѣпра и ночи клубится и дышетъ холодомъ морской дали... Зыбко переливались тамъ, вдали, блѣднозеленые огни какого-то невидимаго парохода... Наконецъ, потонули за волнами и они...

Я ушелъ въ каюту, гдѣ уже всѣ спали, и до зари безъ сна лежалъ на койкѣ. Какъ въ гробу было темно въ ней. И этотъ мракъ и ровное покачиваніе—казалось мнѣ, что я въ могилѣ, и вся земля тихо покачивается, — и этотъ ровный-ровный, однообразный шорохъ, непрестанный плескъ и шумъ днѣпровскихъ волнъ, бѣгущихъ у изголовья, — еще болѣе странно настраивали и волновали меня...

Тамъ, на горахъ, надъ угрюмымъ Днѣпромъ, въ темнотѣ глубокой ночи, могила молчала вѣчнымъ молчаніемъ...

V.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но то, что я переживалъ на Днѣпрѣ, не исчезло безслѣдно. Прежде я безсознательно тянулся къ скитаніямъ по новымъ мѣстамъ,—теперь я ясно понялъ, что значатъ они. Я понялъ, что для того, чтобы жить полной жизнью, мало науки, мало однихъ книжныхъ знаній и житей-

скаго благополучія. Для меня открылась красота природы, глубокая связь художественныхъ созданій съ родиной ихъ творцовъ, увлекательность изученія народа и поэзія свободы и воли въ скитальческой жизни...

— Ой, ой!—говорилъ Исай Марковичъ, покачивая головою, когда мы подходили къ Екатеринославу,—погода перемѣнилась: задуютъ вѣтры... И что мы тогда здѣсь будемъ дѣлать на „порогахъ?“ Это будетъ хуже, какъ въ прошломъ годѣ...

Но меня только радовали предполагаемыя опасности. И хотя погода въ день нашего отъѣзда отъ Лоцманской Каменки, подъ которой уже начинаются пороги, стояла тихая и ясная,—мнѣ все казалось, что съ нами должно случиться что-то необыкновенное, страшное и поэтическое.

Этому способствовали и безконечные разговоры на „Чайкѣ“ о порогахъ, и видъ двухъ пріѣхавшихъ изъ Каменки лоцмановъ, безъ которыхъ ни одно судно не можетъ, по закону, идти дальше Екатеринослава, и торжественность нашего отправленія въ путь. Я почти съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этихъ прямыхъ потомковъ запорожцевъ-лоцмановъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, строгій старикъ-казакъ, другой—коренастый, добродушный и важный, настоящій Тарасъ Бульба. Высокій-то и назывался лоцманомъ, а его товарищъ, по обычаю, носилъ кличку „дяди“.

И вотъ наступилъ моментъ, когда, послѣ угощенія въ каютѣ, „дядя“ быстро всталъ съ мѣста, взялъ шапку, расправилъ усы и пошелъ на палубу.

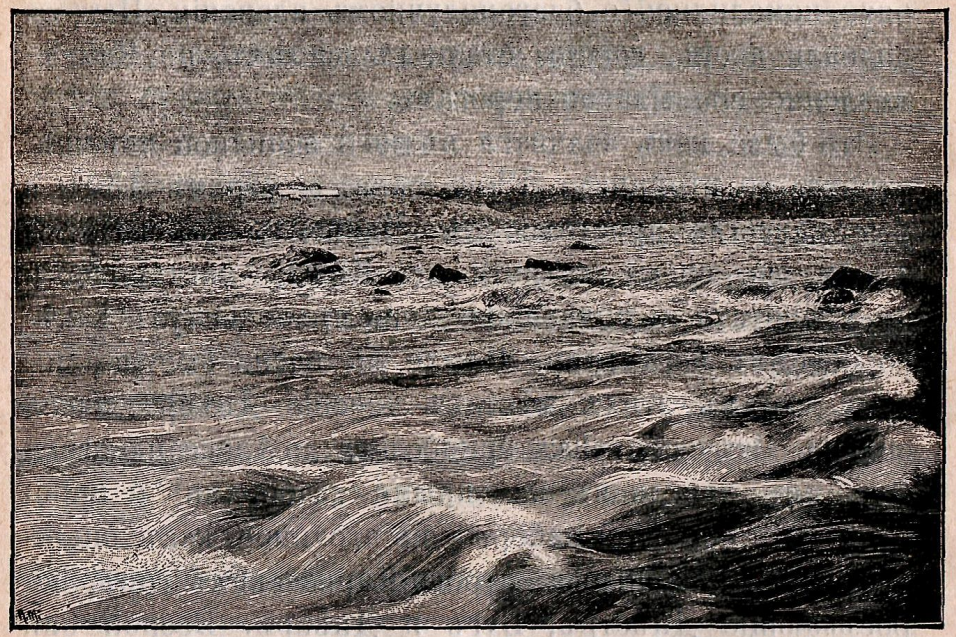
— Ну, діты,—громко и серьезно крикнулъ онъ, снимая шапку,—помолимось Господу Богу!

И первый сталъ на колѣни и, поблѣднѣвъ отъ волненія, низко поклонился въ землю. За нимъ опустились на колѣни и мы и въ торжественной тишинѣ горячо помолились о благополучномъ плаваніи. Потомъ подняли якорь, гребцы стали къ весламъ, и „Чайка“ медленно поплыла по порогамъ.

Это было, какъ значится въ моей записной книжкѣ, утромъ во вторникъ, 12-го іюня, а утромъ 13-го я уже навсегда простился съ „Чайкой“. То, чего мы ждали все время въ пути отъ Кіева,—наступило, и въ хлопотахъ и волненіяхъ день промелькнулъ какъ-то совсѣмъ незамѣтно. Плыли мы очень быстро, потому что въ этихъ мѣстахъ теченіе Днѣпра очень сильно. Отъ самаго Екатеринослава до Александровска весь онъ наполненъ каменными „заборами“ и порогами. Эти пороги и заборы—не что иное, какъ широкая, гранитная полоса, отроги Карпатскихъ горъ, пересѣкающіе Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ. Весной они совсѣмъ скрыты подъ водою, а „въ среднюю воду“, т.е. въ то время, когда плыли мы, Днѣпръ очень грозно шумитъ по ихъ камнямъ, и камни эти во многихъ мѣстахъ торчатъ изъ рѣки. Всѣхъ пороговъ считается десять, но особаго волненія стоили намъ только два или три, и между ними главнымъ образомъ—„Ненасытецъ“.

„Чайка“, повторяю, очень быстро шла теперь по

Днѣпру даже между порогами. Гребцы отдыхали въ это время, лежа на палубѣ. Свѣтлая, стальная поверхность Днѣпра плавно всей своей ширью неслась впередъ. Но вотъ вдали начинался шумъ... ближе... ближе... и вскорѣ уже явственно было слышно, какъ „гре-



митъ“ порогъ. Лоцманъ и „дядя“, стоявшіе на возвышеніи на кормѣ и не спускавшіе глазъ съ рѣки, вдругъ замахали шапками, и гребцы бросились къ веслamъ: нужно было разогнать барку, чтобы она быстрѣе проскочила порогъ.

— Запеки, запеки, голубчику!—кричали лоцмана, и бѣлоруссы, по четыре человѣка въ рядъ, разомъ и крѣпко навалились на весла, почти припадая къ палубѣ; а „Чайка“ неслась все шибче, пока не обозначился передъ нею самый порогъ.

Видъ его всегда производилъ на меня жуткое впечатлѣніе. Кругомъ—стальная гладь рѣки, плавно скользящая впередъ, а впереди—почти черная поперечная полоса волнъ отъ берега до берега, словно Днѣпръ перерѣзанъ въ этомъ мѣстѣ. Издалека видно, какъ его гладь переламывается здѣсь и несется подъ уклонъ, по которому чернѣющія волны мечутся и кипятъ бѣлыми гребнями пѣны.

— Шабашъ!—вдругъ, напрягши грудь, вскрикиваетъ „дядя“.—Къ стерну (рулю)!

И бѣлоруссы, моментально бросивъ весла, кидались къ громадному деревянному рулю, выдающемуся надъ кормою, и наваливались на него всей своею тяжестью, ворочая его и откидываясь вмѣстѣ съ нимъ то вправо, то влѣво. А поблѣднѣвшій лоцманъ продолжалъ кричать изо всей силы:

— Тягны, тягны!.. тягны, братцы, голубчики!

Тогда и мы всѣ невольно порывались впередъ, стараясь хоть чѣмъ-нибудь помочь „Чайкѣ“—уже въ порогѣ! Кругомъ—шумъ воды, брызги пѣны; водоворотъ несетъ съ ошеломляющею быстротою, такъ что вся „Чайка“, нагруженная нѣсколькими тысячами пудовъ дровъ, прыгаетъ и качается на огромныхъ волнахъ...

— Проскочили!—кричитъ, наконецъ, „дядя“ облегченно, и всѣ испускаютъ вздохъ, снимаютъ шапки и долго крестятся на небо, между тѣмъ какъ Днѣпръ,

еще не успокоившійся, тихо колышетъ „Чайку“, а сзади уже замирающимъ шумомъ гремитъ порогъ.

Такъ прошли мы Кадацкій порогъ, Сурскій, Лоханскій, Звонецкій и, наконецъ, Ненасытецъ, „Дідъ“; какъ зовутъ его лоцмана,—самый грозный порогъ, въ девять рядовъ скалъ,—благополучно миновали „пекло“ (такъ называется огромная яма подъ порогомъ, гдѣ бушуетъ очень опасный водоворотъ)—и вздохнули совсѣмъ весело. Теперь „Чайка“ пошла медленнѣе, и медленно проплывали мимо нея острова въ лѣсахъ, прибрежныя горы, селенія и далекія стени. Солнце мирно спускалось за нихъ, и наступалъ вечеръ. Мы бросили якорь и ночевали въ какомъ-то пустынномъ и глухомъ мѣстѣ. Развели огонь, заварили кашу, и долго текла бесѣда около котелка, разсказы лоцмановъ о своихъ приключеніяхъ,—тихіе разсказы подъ звѣзднымъ небомъ, въ темнотѣ синей южной ночи...

А на другой день мы перевалили еще черезъ четыре порога, ловко проскользнули въ опасной тѣснинѣ среди высокихъ, скалистыхъ береговъ, недалеко отъ Александровска, на крутомъ поворотѣ Днѣпра къ юго-востоку, и скоро были у пристани Кичкасъ.

Здѣсь я распрощался съ бѣлоруссами, съ моими радушными хозяевами евреями, съ лоцманами и съ „Чайкой“. Я отправился на знаменитый „Островъ Св. Георгія“—Хортицу и долго блуждалъ по немъ, отыскивая хоть какихъ-нибудь слѣдовъ старой Сѣчи. Но островъ былъ тихъ и пустыненъ... Только земляные валы, заросшіе травой, говорили о томъ, что когда-то тутъ были воинскіе станы...

И степь здѣсь была уже недалеко. Тамъ, за Хортицей, начиналась Великая Днѣпровская Плавня, гдѣ Днѣпръ разливается необозримыми озерами и весь усѣянъ тысячами острововъ въ рощахъ, верболозахъ и камышахъ. Тамъ, возлѣ Плавни, по лѣвую сторону рѣки, разстилается Великій Днѣпровскій Лугъ, царство зеленыхъ, сочныхъ степей, степныхъ болотъ и рѣчекъ—страна, славная съ древности богатствомъ и плодородіемъ своихъ земель и кровавыми раздорами за эти земли. А еще дальше, за плавнями и степями, синѣетъ море, и бѣлѣютъ вольные паруса въ морской дали...

— „Туда, туда!..—думалъ я съ восторгомъ.—Жизнь невыразимо прекрасна и увлекательна. Только надо понять, что дорого и нужно въ ней!“

Одесса, сентябрь 1898 г.



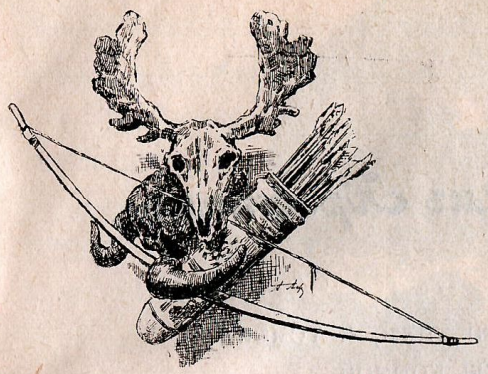


Ковыль.

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?
Сл. о Пл. Игоревѣ.

I.

Что шумитъ-звенитъ передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?
Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Смутно травы шепчутся сухія,—
Сладкій сонъ ихъ нарушаетъ вѣтеръ.
Опускаясь низко надъ полями
По курганамъ, по могиламъ соннымъ,
Нависаетъ въ темныхъ балкахъ сумракъ:
Блѣдный день надъ сумракомъ забрезжилъ
И разсвѣтъ ненастный задымился...
Что шумитъ-звенитъ передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?
Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Сѣрой мглой подернулися балки...
Или это ратный станъ бѣлѣетъ?
Или снова вѣетъ вольный вѣтеръ
Надъ глубоко спящими полками?
Не ковыль-ли, старый и сонливый,
Онъ качаетъ, клонитъ и качаетъ,—
Вежи половецкія колышетъ
И бѣжитъ-звенитъ старинной былью?



II.

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ въ даль; кругомъ все степь да степь,—
Шумитъ трава дремотно и лѣниво,
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
Среди хлѣбовъ загадочно синѣетъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
Въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,—
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ...

А путь бѣжитъ... Не тотъ-ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На синій Донъ? Не въ этихъ-ли мѣстахъ,
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки выли,
А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ,
Его въ степи безбрежной провожали
И клектомъ псовъ на кости созывали,
Грозя ему великою бѣдой?
— Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣть мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый!

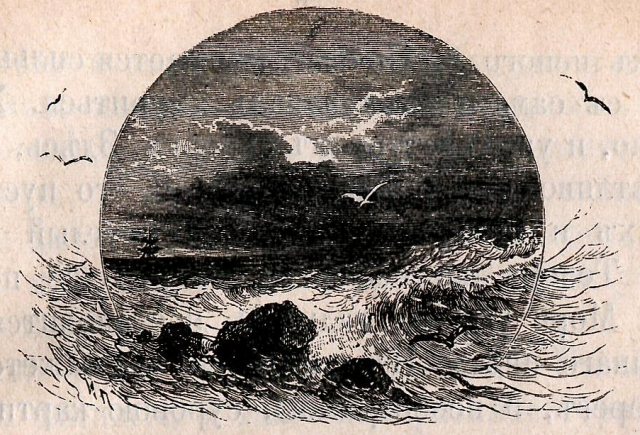
...Но степь молчитъ. Одинъ ковыль сонливый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой...

Подъ Южнымъ Крестомъ.

Поздній часъ. Корабль и тихъ, и теменъ.
Слабо плещутъ волны за кормой.
Звѣздный свѣтъ да океанъ зеркальный—
Царство этой ночи неземной.

Въ царствѣ безграничнаго молчанья,—
Въ тишинѣ глубокой,—сторожатъ
Часъ полночный звѣзды надъ морями
И въ моряхъ таинственно дрожатъ.

Южный Крестъ, загадочный и кроткій,
Въ душу льетъ свой нѣжный свѣтъ ночной,—
И душа исполнена предвѣчной
Красоты и правды неземной.



Велга.

Сѣверная легенда.

...Слышишь, какъ жалобно кричитъ чайка надъ шумящимъ, взволнованнымъ моремъ?

Въ туманной дали, на западѣ, теряются его темныя воды; въ туманную даль, на сѣверъ, уходитъ каменистый берегъ. Холодно и вѣтрено. Глухой шумъ зыби, то ослабѣвая, то усиливаясь,—точно ропотъ сосноваго бора, когда по его вершинамъ идетъ и разростается буря,—широкими и величавыми вздохами разносится вмѣстѣ съ криками чайки... Видишь, какъ одиноко и безпріютно вьется она и бѣлѣетъ въ тускломъ, осеннемъ туманѣ, качаясь по холодному вѣтру на упругихъ крыльяхъ?

Это къ непогодѣ. Ночью разыграется сильная буря.

День съ самаго утра началъ хмуриться. Холодно, пасмурно, и ужъ наступаютъ сумерки. Здѣсь, на этомъ непривѣтливомъ сѣверномъ морѣ, на его пустынныхъ островахъ и прибрежьяхъ, почти круглый годъ ненастье. Теперь же осень, а сѣверъ еще печальнѣе осенью. Море угрюмо вздулось и становится темно-бутылочнаго цвѣта. Издали пелена его кажется выше, чѣмъ берегъ, и необозримою, суровою картиной уходитъ она въ туманный просторъ на западъ, а вѣтеръ все быстрѣе гонитъ съ запада волны и далеко разноситъ крики чайки.

— Крі-э! — жалобно и пронзительно звучитъ по вѣтру.

Утромъ она безпокойно и криво носилась надъ самымъ прибоемъ. Море непрерывно крутящимися валами окаймляло весь берегъ. Здѣсь оно, налетая на него сразбѣгу, цѣлыми водопадами клубящейся пѣны съ грохотомъ и шумомъ рыло подъ собою гравій; тамъ, какъ кипящее молоко, милліонами прядающихъ толкачиковъ разсыпалось съ шипѣньемъ на камни и широко взлизывалось на берегъ, но тотчасъ же скользило, какъ стекло, назадъ, подпирая собою ужъ новый крутящійся валъ, а вдали расшибалось о камни и высоко взвивалось на воздухъ. И повсюду весь берегъ гудѣлъ отъ прибоя... Чайка съ крикомъ бросалась между волнами, плавно соскальзывала внизъ по водѣ, въ ихъ ухабы, выносилась на новой волнѣ до высо-

каго гребня и взлетала, вся въ брызгахъ и пѣнѣ. Вѣтеръ вольно носилъ ее низко надъ моремъ...

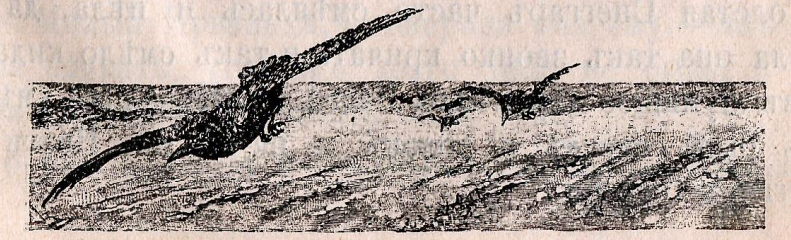
Но потомъ она словно устала. Надвигается ненастный вечеръ, и ужъ безсильно качается чайка по вѣтру, все дальше уходитъ, бѣлѣя въ туманѣ, отъ берега въ море... Слышишь, какъ жалобно раздаются ея радостныя стенанія?

Да, они рѣзко звучатъ радостью... Но отчего же въ нихъ слышится и такое невыразимое горе? Отчего, по мѣрѣ того, какъ надвигаются непривѣтливыя сумерки, крики ея становятся все грустнѣе и мучительнѣе?

Вонъ она уже еле-еле виднѣется въ сумракѣ. Быстро спускается темная, бурная ночь; чаще и чаще то тамъ, то здѣсь мелькаютъ въ морѣ сѣдыя космы пѣны. Шумъ прибоя растетъ; ледяной вѣтеръ вздымаетъ и бѣшено срываетъ ихъ, обдавая водяною пылью и рѣзкимъ запахомъ моря. Гулъ прибоя растетъ, и весь берегъ во мракѣ бѣлѣетъ, какъ снѣгъ... А до жилья не близко...

— Крі-э!.. — доносится откуда-то издалека, снизу.

Это мечется скорбная чайка... Слушай, я разскажу тебѣ, подъ шумъ бушующаго сѣвернаго моря, старую сѣверную легенду.



I.

Было это давно, въ незапамятное время.

У холоднаго сѣвернаго моря жила молодая и сильная Велга. На закатъ предъ ней были воды, на востокъ—только песчаный берегъ, близко за селеніемъ сходившійся съ небомъ. Что было тамъ, къ востоку,— Велга не знала и не хотѣла знать. Она никогда не ходила къ востоку. Не ходилъ и отецъ ея, не ходила и мать, не ходила и старшая сестра, Снеггаръ. Они знали только море.

Возлѣ моря проходило и дѣтство Велги. Быстро проходило оно, и весело было ей въ дѣтствѣ! Зимой, когда море только подъ самымъ краемъ неба чернѣло волнами, а у береговъ было покрыто бѣлымъ снѣгомъ, Велга спала въ мягкомъ гагачьемъ пуху и, просыпаясь, видѣла передъ собой веселый свѣтъ очага среди темной и низкой хижины. Лѣтомъ, когда свѣтитъ солнце, дуетъ теплый вѣтеръ, и вода легко плещется въ морѣ, Велга искала на пескахъ яички зуйковъ и плавунчиковъ, или бѣгала къ прибою, ложилась ничкомъ, головой на берегъ, а волны съ шумомъ обдавали ее сверху... Такъ забавлялась она лѣтомъ, и всегда съ Велгой были и Ирвальдъ, и Снеггаръ.

Толстая Снеггаръ часто смѣялась и пѣла, да не умѣла она такъ звонко кричать и такъ смѣло кидаться въ шумящее море, какъ Велга. Но Ирвальдъ умѣлъ. Онъ былъ веселъ и ловокъ и не боялся Велги. А Снеггаръ боялась.

— Отчего ты не братъ мнѣ, Ирвальдъ? — сказала ему Велга.— Отчего у меня нѣтъ брата, котораго я любила бы такъ, какъ тебя, милый Ирвальдъ? Я бы не скучала безъ тебя долгую зиму.

Онъ взглянулъ на нее, улыбнулся и вдругъ кинулся къ морю.

— Смотри, смотри, гагара! — закричалъ онъ ей.— Давай поймаемъ!

И они, какъ вѣтеръ, гнались другъ за другомъ, убѣгали туда, гдѣ въ прибрежныхъ пещерахъ звонко раздается голосъ, гдѣ у берега громоздятся высокія скалы, а тяжелая вода съ шумомъ поднимается и скользитъ между ними, шипитъ и кипитъ, опускаясь, и съ журчаньемъ струями сливается съ плоскаго камня. Тамъ дразнили они волны, близко подбѣгая къ нимъ, и, усталые, засыпали крѣпкимъ, счастливымъ сномъ...

Зачѣмъ такъ быстро прошло дѣтство Велги?..

Но и потомъ еще долго радовалась она. Все нетерпѣливѣе проводила она долгія зимы въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ. Стало ей четырнадцать лѣтъ, а Ирвальду—шестнадцать, и часто уѣзжалъ онъ теперь за рыбой въ море. Но зато какъ радовалась Велга, когда Ирвальдъ возвращался!

— Милый Ирвальдъ,— говорила она ему,—мнѣ хочется плакать, что такъ долго тебя не было, и хочется смѣяться, что опять вижу тебя!

Но ужъ выросла и Снеггаръ большая. И Ирвальдъ

забывать сталъ о Велгѣ. Онъ часто сидѣлъ возлѣ Снеггаръ и глядѣлъ въ ея веселое лицо. А Велга издали наблюдала за ними... Не хотѣлось ей при сестрѣ разговаривать съ Ирвальдомъ. Но когда онъ уходилъ по берегу къ своему дому, Велга догоняла его и провожала до самаго порога.

— Милый Ирвальдъ,—говорила она ему,—зачѣмъ ты такъ долго сидишь возлѣ Снеггаръ? Зачѣмъ горе мѣшаетъ моей радости?



И стала Велга одна на берегу моря пѣть звонкія и веселыя пѣсни сквозь слезы. А когда съ ней встрѣчались подруги, она замолкала, и лицо ея становилось сурово и гордо...

II.

Хижина отца Велги стояла одиноко, вдалекѣ отъ рыбачьяго селенья, на каменистомъ прибрежьѣ, засыпанномъ жесткими песками, и, въ часы прилива, море широкими, разлатыми волнами добѣгало почти до ея порога.

Если же приливъ былъ въ бурю, то оно хлестало даже въ окна, затянутыя кишками гагары. Тогда Снеггаръ обрывала веселую пѣсню, бросала въ испугѣ работу и уходила подальше отъ оконъ. Старая мать Велги бормотала заклятья и съ тревогой прислушивалась къ завыванью вѣтра. Но сама Велга не боялась бури. Она вмѣстѣ съ отцомъ выходила на мокрый порогъ хижины, скатывала на вѣтру сѣти, а потомъ вбѣгала въ воду, и холодная вода, поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ея босыя ноги, обдавала ихъ шипящею, сѣрою пѣной и опутывала морскими блѣдно-зелеными травами. Она разрывала ихъ ногами и вдыхала сильною грудью свѣжій, влажный вѣтеръ, поднимала навстрѣчу ему голову, а вѣтеръ трепалъ ея русые волосы. Такъ стояла она, молодая и стройная, и лицо ея было смѣло и весело, а бирюзовые глаза зорко противъ бури глядѣли въ даль. Но только птицы св. Петра носились тамъ крикливыми стаями и по водѣ взбѣгали, распустивъ крылышки, на самые высокіе гребни взметывающихся и разсыпающихся водяныхъ бугровъ...

На что же смотрѣла Велга? Не чуяло-ли бѣды ея молодое сердце?

Дѣвушки стали называть ее печальною и злою, потому что никогда не смѣялась Велга по-пусту и не

пѣла съ сестрой за работой. Но никогда до пятнадцати лѣтъ не бывала Велга печальною и злою. Сердце ея было весело и отважно, какъ у молодой птицы, и радовалась Велга на бури и море, на солнце и землю, на свою дѣвичью свободу. Только грустила она безъ Ирвальда, потому что сильно хотѣлось ей разсказать ему, какъ хорошо жить на свѣтѣ...

А Ирвальдъ ужъ давно былъ въ морѣ. Утомилась Велга ходить по прибрежью и слѣдить за волнами; хотѣлось ей крикнуть чрезъ все море, что утомилась она ожидать Ирвальда, что нельзя ему любить Снеггаръ, если Велга уже не можетъ жить безъ него...

А когда подулъ теплый вѣтеръ съ заката, и стало опускаться къ морю солнце, Велга пришла къ сестрѣ и сказала ей:

— Милая Снеггаръ, хочешь, я разскажу тебѣ, какъ ласковъ лѣтній вѣтеръ, какъ легко пахнетъ съ моря водой, и какъ мнѣ грустно безъ Ирвальда?

— Не хочу,—отвѣчала Снеггаръ, праздно и спокойно сидя у порога.

Велга отвернулась и ушла отъ нея. Она сѣла на берегу, опустивъ голову, и долго слушала, какъ плещется теплая вода въ сумеркахъ. Слезы, какъ теплая вода, падали на ея руки.

Вдругъ пріѣхалъ Ирвальдъ. Она вскрикнула, а онъ засмѣялся и приказалъ ей носить изъ лодки рыбу и сѣти на берегъ. Она послушно и долго трудилась съ

нимъ, смущенно разспрашивая его, куда онъ ѣздилъ; а когда сталъ подниматься надъ моремъ большой, блѣдный мѣсяцъ, она утомилась, сѣла въ пустую лодку и вздохнула ночнымъ вѣтромъ.

— Ирвальдъ,—сказала она,—знаешь, я часто плакала безъ тебя. Я быстро ходила по берегу, и безпокойно билось и томилось мое сердце. Но, когда ты пріѣхалъ, мнѣ стало такъ легко и весело!

Но Ирвальдъ молча сидѣлъ на кормѣ и глядѣлъ на мѣсяцъ. Стыдно стало Велгѣ, что онъ не отвѣтилъ ей, и она, опустивъ глаза, спросила его тихо:

— Ты слышалъ мои слова, Ирвальдъ?

— Да,—сказалъ Ирвальдъ.

И тогда совсѣмъ низко наклонила Велга голову и проговорила Ирвальду:

— Возьми меня въ свой домъ, Ирвальдъ! Я буду ѣздить съ тобой въ море, буду всегда веселою для тебя, буду пѣть тебѣ пѣсни и работать съ тобою. Такъ хорошо жить на свѣтѣ, когда я съ тобою!

— Мы никогда не будемъ жить съ тобою,—твердо отвѣчалъ ей Ирвальдъ.—Я буду жить со своею женой, Снеггаръ. Завтра я опять уѣду въ лодкѣ, а когда вернусь, возьму за руку Снеггаръ и уведу ее въ свое жилище. Тамъ проведемъ мы зиму, а лѣтомъ уплывемъ, какъ двѣ гагары, въ море.

— А я?—медленно сказала Велга и почувствовала.

какъ тяжело застучало ея сердце.—Я останусь одна?—громко сказала Велга и поднялась на ноги въ лодкѣ.

— Да,—отвѣтилъ Ирвальдъ.

Тогда Велга быстро прыгнула на берегъ и быстро пошла по берегу въ южную сторону. И когда далеко ушла туда, кинулась на сѣрый камень и закричала мѣсяцу, что ей больно въ сердцѣ, и зарыдала, и упала на камень.

III.

Слышишь, какъ дико завываетъ вѣтеръ во мракѣ?.. Непривѣтливо сѣверное море!

Три дня и три ночи пролежала на берегу Велга, обезсиленная горемъ, а на четвертое утро уже наступила осень, и зашумѣли въ тускломъ туманѣ отяжелѣвшія волны. И когда пахнуло на Велгу холоднымъ вѣтромъ, вскочила она и бросилась въ воду. Но волна поднялась и далеко отшвырнула ее на берегъ.

— Море не хочетъ, чтобъ я умерла,—сказала себѣ Велга.—Прежде я должна убить Ирвальда.

И молча возвратилась она домой. Высохли на щекахъ ея слезы, и спокойно было ея суровое лицо, но темно на сердцѣ.

— Снеггаръ,—сказала она сестрѣ,—уѣхалъ Ирвальдъ?

— Да,—отвѣчала равнодушно Снеггаръ.

— Когда вернется онъ?—спросила Велга.

— Когда начнетъ падать мокрый снѣгъ, и потемнѣетъ море,—отвѣчала Снеггаръ.

Тогда Велга съѣла рыбы и ушла на порогъ хижины. Тамъ сѣла она на вѣтру и просидѣла весь день, скорбно сдвинувъ брови. На ночь она вернулась подъ кровлю, а утромъ опять вышла за двери, ожидая Ирвальда. И такъ проводила она дни и ночи, пока не пошелъ первый мокрый снѣгъ.

„Скоро вернется Ирвальдъ,—думала Велга, и сладостная горечь обиды и злобы томительно вливалась въ ея сердце.—Я убью его, а потомъ и сама успокоюсь въ могилѣ“.

Но Ирвальдъ не возвращался. Ужъ надвигались сумерки, и все чаще стала Велга подниматься съ порога и, стоя, напряженно глядѣть въ море. А на морѣ еще никогда не поднималось такой яростной бури! И въ сумеркахъ изъ хижины вышелъ старый отецъ Велги. Онъ было могучъ, какъ старый утесъ среди моря, но лицо его было печально въ этотъ вечеръ, и вѣтеръ развѣвалъ его длинные, сѣдые волосы.

— Велга, дитя мое,—сказалъ онъ ласково.—Отчего ты покинула родную хижину? Посмотри, поднимается зловѣщая ночная буря, предъ которой неутѣшно тоскуетъ сердце человѣка. Помоги мнѣ укрѣпить подпорками стѣны, положить камней на ихъ кровлю изъ кожи тюленей, и укроемся подъ кровлей отъ непогоды и ночи.

Отъ такихъ словъ дрогнуло сердце Велги жалостью

къ самой себѣ, къ отцу и къ Ирвальду. Она поспѣшно стала помогать въ работѣ. Вѣтеръ валилъ ихъ съ ногъ и застилалъ весь воздухъ водяною пылью, словно въ морѣ бушевала вьюга. Въ самыя окна хижины хлестали волны косматою пѣной, и въ испугѣ Велга поспѣшила за отцомъ подъ кровлю.

Тамъ, въ темнотѣ ночи, вдругъ вспомнила она, какъ много лѣтъ назадъ, когда Ирвальдъ былъ еще ребенкомъ, онъ остался ночевать, застигнутый бурей, въ ихъ хижинѣ. Онъ былъ въ эту ночь ея гостемъ, и она сама постлала ему постель и поцѣловала его, по обычаю гостепріимства, предъ сномъ. Она вспомнила всеелое, милое ей, лицо его, и еще больше овладѣли ея сердцемъ жалость и любовь къ нему. Тогда она, забывъ, что хотѣла убить его, быстро встала съ ложа и въ тревогѣ стала слушать. Ей чудились въ шумѣ вѣтра его крики, и всю ночь трепетала она отъ страха и, обезсиленная, забылась сномъ лишь подъ утро.

Море же стало стихать; въ воздухѣ повѣяло дыханіемъ зимняго мороза. Но когда Велга проснулась и отворила на дневной свѣтъ дверь дома, на встрѣчу ей переступила порогъ Снеггаръ.

— Велга!—сказала она и заплакала горькими слезами.—Буря унесла Ирвальда на дикіе острова Ледяного Моря и разбила его лодку. Онъ одинъ теперь въ морѣ и ждетъ смерти отъ холода, голода и толстыхъ клювовъ морскихъ птицъ.

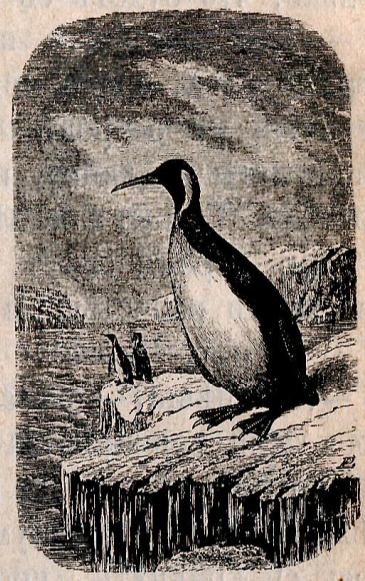
— Кто сказалъ тебѣ?—крикнула Велга.

— Я была у вѣщей Чарны, и она гадала мнѣ на кишкахъ гагары,—отвѣчала Снеггаръ и, закрывъ лицо руками, опустилась съ рыданіями на свое ложе.

— Снеггаръ!.. — нѣжно хотѣла проговорить Велга.

Но брови ея сурово сдвинулись, и она сильною рукой распахнула дверь дома.

— Молчи! — твердо сказала она. — Я люблю и ненавижу тебя!



IV.

Она быстро пошла по прибрежью на сѣверъ. Въ холодный, темный вечеръ вступила она въ хижину Чарны, теплую отъ костра, пылающаго краснымъ пламенемъ.

— Научи меня, о, вѣщая!—воскликнула она предъ Чарной.—Укажи путь къ Ирвальду!

— Поспѣши!—сказала Чарна.—Два дня и двѣ ночи надо плыть къ Ирвальду. Не поспѣешь къ разсвѣту третьяго дня,—онъ погибнетъ. Но скажи мнѣ, Велга, слыхала ли ты о пустыняхъ Ледяного Моря, гдѣ такъ же дико и печально, какъ въ первые дни міра? Можешь ли ты на вѣки покинуть родную хижину?

Какъ пойманная рыба, затрепетало сердце Велги, но съ пылающимъ лицомъ она отвѣтило Чарнѣ:

— Пожалѣй меня, Чарна! Я молода, и мнѣ грустно разстаться съ жизнью. Но, если такъ надо, скажи только, что будетъ со мною?

— Два дня и двѣ ночи проведешь ты въ тоскѣ и страхѣ одна, среди моря,—сказала Чарна.—А когда ступишь на островъ, гдѣ томится Ирвальдъ, обратишься ты въ чайку, и не узнаетъ онъ, для кого ты погибла. Таково повелѣніе рока.

Какъ первый снѣгъ, поблѣднѣла Велга, но глаза ея сверкнули радостью, и она отвѣчала Чарнѣ:

— Я иду, Чарна!

— Поспѣши, — сказала Чарна, — уже кровавая полоса зари меркнетъ за моремъ подъ черными тучами.

Противъ вѣтра, по мокрому песку прибрежья побѣжала Велга къ шумящему, темному морю. Хотѣлось ей крикнуть „прости“ сестрѣ, отцу и матери, но безпокойно билась у берега лодка на волнахъ, и быстро прыгнула въ нее Велга. На закатъ, гдѣ едва свѣтила кровавая полоса зари, направила она лодку, и стояла, качаясь на волнахъ, и слезы горѣли на ея глазахъ, а вѣтеръ развѣвалъ въ темнотѣ ея бѣлую одежду и дулъ въ лицо съ Ледяного Моря.

V.

Она летѣла, какъ чайка. Сердце ея сжималось отъ боли, въ ожиданіи гибели, но все-таки не хотѣло

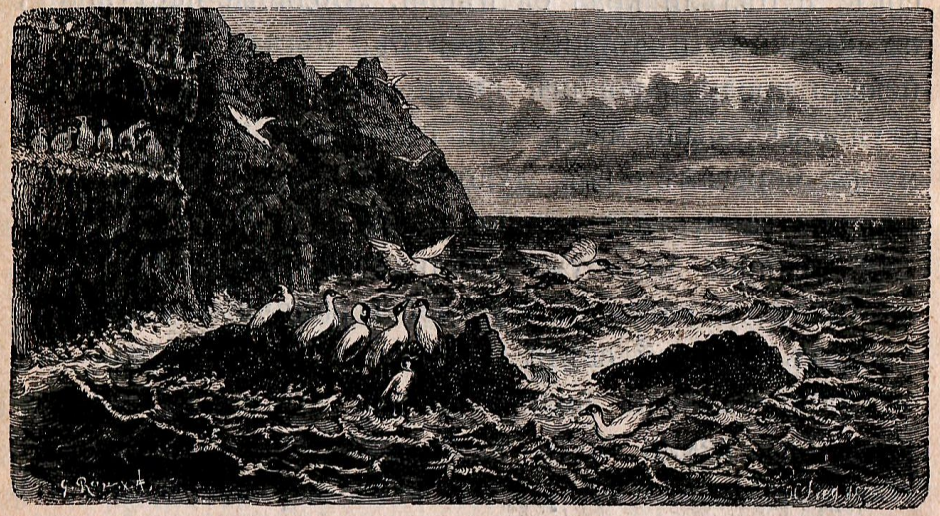
оно вѣрить, что не узнаетъ Ирвальдъ, для кого она погибла.

И жутко стало Велгѣ, когда на разсвѣтѣ увидала она себя окруженной блѣднымъ, холоднымъ моремъ, у песчанаго, пустыннаго острова. Никого не было на томъ островѣ. Только вода взбѣгала на его песокъ, и бѣлѣли края ея пѣной. „Водяные пастушки“, на высокихъ и тонкихъ ногахъ, бѣгали у прибоя и искали среди раковинъ пищи. Но и „водяныхъ пастушковъ“ было мало. Они почти всѣ улетѣли на зиму къ берегамъ, гдѣ дуютъ теплые вѣтры. И еще нѣжнѣе загрустило сердце Велги.

А Ледяное Море уже начиналось. Цѣлый день плыла Велга, и вступила въ тѣ безграничныя воды, что уходятъ на край свѣта и сливаются съ небомъ. Все тяжелѣе стучали волны въ дно лодки, потому что уже нѣтъ земли подъ тѣми волнами. Самыя дикія сѣверныя птицы живутъ въ тѣхъ моряхъ, вдали отъ людей, на скалистыхъ островахъ. Онѣ сильны и одѣты плотнымъ пухомъ; онѣ всю зиму могутъ плавать среди льдовъ и глубоко ныряютъ въ ледяную воду. Тысячи ихъ гнѣздились на островахъ, и каждый островъ, какъ снѣгомъ, бѣлѣлъ птицами. Тамъ были ихъ гнѣзда на уединенныхъ утесахъ и въ норахъ, подъ утесами... И въ сумеркахъ проплыла Велга мимо самаго большого острова.

Онъ весь, сверху до низу, былъ покрытъ, какъ сѣрою корой, засыхающимъ пометомъ птицъ, ихъ

перьями и пухомъ. Птицы длинными рядами сидѣли на всѣхъ уступахъ скалъ. Внизу гнѣздились тѣ, которыя были поменьше; наверху стояли и дремали самыя большія и прожорливыя, съ бѣлыми животами и черными спинами, съ толстыми шеями и маленькими головами, съ блестящими глазами въ кольцахъ



бѣлаго пуха и съ огромными, уродливыми клювами, съ крѣпкими, грубыми лапами и короткими руками безъ пальцевъ. Птицы громко и злобно разговаривали, а какъ только наступили сумерки, и Велга, обезсиленная борьбой съ морознымъ вѣтромъ, причалила къ берегу на отдыхъ, тысячи ихъ поднялись съ шумомъ надъ нею, а самыя большія загоготали и заревѣли дико и радостно, стараясь перекричать другъ друга... И, какъ снѣгъ, поблѣднѣла Велга, собрала послѣднія силы и опять прыгнула въ лодку.

Она снова летѣла, какъ чайка... Ледяной туманъ окутывалъ ее мглой, плывя оттуда, гдѣ море сливается съ небомъ. Но уже не плакала и не грустила Велга теперь. Она трепетала отъ скорби предъ гибелью и отъ радости за Ирвальда.

И къ вечеру послѣдняго дня показался среди сѣдого и пасмурнаго тумана высокій и дикій утесъ на краю свѣта,—тотъ, до котораго доходили только могучіе викинги и вбили въ него желѣзныя кольца, чтобы привязывать лодки. Яростный шумъ и гулъ бурунovъ сливался тамъ съ тысячеголосными криками хищныхъ птицъ, кружившихся въ туманѣ. А Ирвальдъ лежалъ у прибоя, обезсиленный предсмертнымъ сномъ отъ холода и голода. Онъ былъ блѣденъ, какъ морская пѣна, и въ кудряхъ его былъ мокрый песокъ.

— Ирвальдъ!—крикнула Велга въ отчаяніи скорби и радости.

Отъ звука ея голоса мгновенно очнулся Ирвальдъ. Хотѣла Велга крикнуть ему, что она любитъ его, какъ въ дѣтствѣ, но не коснулись ея ноги земли, когда она прыгнула съ лодки на берегъ: въ воздухѣ повисла она бѣлою чайкой на крыльяхъ, и крикъ ея раздался жалобно-радостнымъ крикомъ чайки надъ Ирвальдомъ. Онъ мгновенно очнулся отъ крика,—голосъ друга коснулся его сердца,—но, взглянувъ, онъ увидѣлъ лишь бѣлую чайку, взлетѣвшую съ крикомъ надъ лодкой...

Такъ погибла Велга, и возвратился къ жизни тотъ, кого она любила.

Онъ уплылъ на востокъ. Она долго вилась надъ водой, провожая Ирвальда. А когда онъ сокрылся вдали, закачалась она безпріютною чайкой по вѣтру. Такъ тоскуетъ она и донынѣ, кричитъ къ непогодѣ, вспоминая утесы въ туманѣ, гдѣ когда-то томился Ирвальдъ...

Но въ стенаньяхъ ея звучитъ радость...

Въ морѣ бури бушуютъ, скорби жизнь омрачаютъ, и гибнутъ, какъ въ морѣ, въ страданіяхъ люди. Непривѣтливо грозное море, много въ жизни страданій, но великая радость въ великомъ страданьи за брата!



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Въ степи	1
II.	Ночь	4
III.	Осенняя пѣсня	5
IV.	Метель	7
V.	Кукушка	8
VI.	На охотѣ	38
VII.	Троица	39
VIII.	Въ іюлѣ	40
IX.	Плеяды	41
X.	Въ деревнѣ	42
XI.	Въ крымскихъ горахъ	53
XII.	Казацкимъ ходомъ	57
XIII.	Ковыль	78
XIV.	Подъ Южнымъ Крестомъ	80
XV.	Велга	81

Ив. А. Бунинъ.

„На край свѣта“ *и др. разсказы*. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 97 г. Ц. 1 р.

„Пѣснь о Гайаватѣ“. *Поэма Лонгфелло*. Пер. съ англійск. Иллюстр. изд. маг. «Книжное Дѣло». М. 99 г. Ц. 1 р. 25 к. (Рекомендована У. К. М. Н. П. въ библ. средн. учебн. зав. и город. уч. и включена въ катал. безпл. нар. читаленъ).

„Разсказы“. Изд. О. Н. Поповой («Нар. и дѣтск. библ.») Спб. 97 г. Ц. 10 к.

„Подъ открытымъ небомъ“. *Стихотворенія*. Иллюстр. изд. ред. «Дѣтск. Чтенія». М. 98 г. Ц. 90 к. (Ос. Отд. У. К. М. Н. П. допущена въ уч. мл. воз. библ. ср. уч. зав. и безпл. нар. чит. и библ.).

Типо-литографія В. Рихтеръ, Москва, Тверская, Мамоновскій пер. свой домъ.